МИРЫ, РОЖДЕННЫЕ ВООБРАЖЕНИЕМ

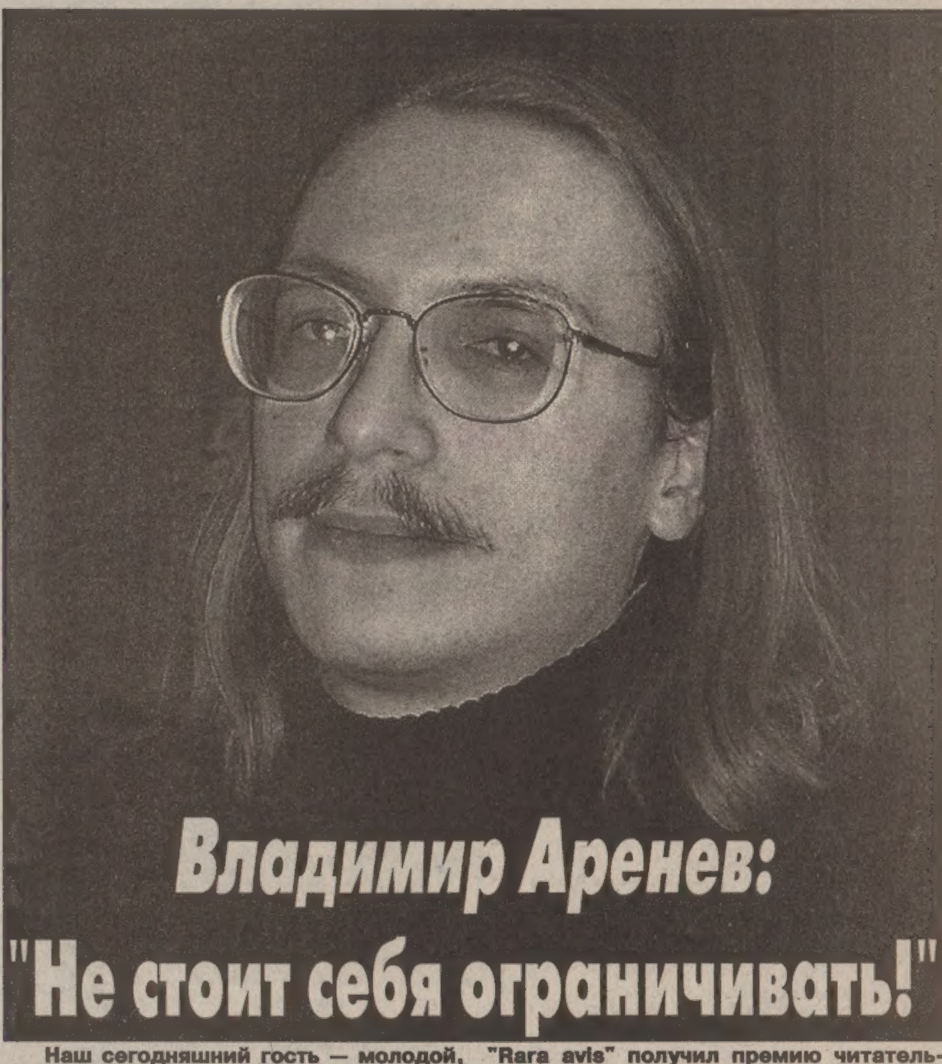
НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА

ПРОСТО ФАНТАСТИКА

Z

№ 3, март, 2005 год

Цена свободная

Владимир Аренев: "Не стоит себя ограничивать!"

Наш сегодняшний гость — молодой, но уже известный киевский писатель. К настоящему моменту у него вышло девять книг, его рассказы и повести публиковались на русском, украинском, польском и литовском языках, в периодике и сборниках. К двадцати шести годам он уже получил немало профессиональных наград: стал лауреатом международной украинско-германской премии имени Олеся Гончара (2001 г., за роман "Правила гри"), финалистом независимой литературной премии "Дебют" (Россия) в номинации "Фантастика" (2003 г.), в 2003 году на международном фестивале фантастики "Звездный Мост-2003" рассказ "Rara avis" получил премию читательских симпатий германского русскоязычного журнала "Partner-Nord", в 2004-м на "Евроконе" в Болгарии был признан лучшим молодым автором от Украины.

При этом он является еще и активно действующим журналистом, критиком, публицистом. Преподает историю зарубежной литературы в киевском Институте журналистики.

Да и читатели "Просто фантастики" его прекрасно знают. Что ж, познакомьтесь поближе — единый в двух своих ипостасях критик Владимир Пузий и автор остроумных рассказов Владимир

(Продолжение на стр.4,5)

Мент, Дозорный, рекламист...

Российские СМИ сообщили, что в ноябре этого года на экраны России выйдет фильм под кодовым названием "Babylen" — экранизация знаменитого романа Виктора Пелевина "Generation P".

Главную роль — рекламщика-криэйтора Вавилена Татарского — исполнит популярный нынче Константин Хабенский. Именно по имени его героя и назван фильм, хотя ко дню премьеры название вполне может измениться на книжное. Одну из ролей планируют отдать модели Наталье Водяновой.

Режиссировать картину собирается Виктор Гинзбург, он же вместе с небезызвестным Виктором Шендеровичем напишет ее сценарий. По слухам, сюжет теперь не заканчивается в 90-х годах, а длится до наших дней и даже слегка простирается в будущее.

Война еще не завтра...

...но уже скоро. На конец нынешнего года намечен выпуск компьютерной игры "Завтра война", базирующейся на романах "Завтра война", "Без пощады" и "Время — московское!". Фирма "1С" и компания CrioLand объявили о подписании договора с автором трилогии, известным писателем-фантастом Александром Зоричем.

По заявлению представителей компании, "Завтра война" — космический симулятор с сильной сюжетной линией. Действие происходит в 27 веке. Вместе с курсантом Северной Военно-Космической Академии Андреем Румянцевым игроки пройдут через все хитросплетения сюжета книги, включая битву за Наотар и войну с Конкордией: бои в безвоздушном пространстве, в атмосфере планет и среди астероидов, служба в военно-космическом флоте Российской Директории, работа на корпорации, сражения с пиратами и многое другое. Уникальной особенностью проекта является игровой движок, позволяющий создавать в реальном времени целые планеты с возможностью посадки в любой точке, что позволит максимально точно воссоздать события, описанные в трилогии. "Завтра война" — "Без пощады" — "Время — московское!".

Игра "Завтра война" разрабатывается новосибирской компанией CrioLand при непосредственном участии Александра Зорича в качестве сценариста, и будет издаваться фирмой "1С".

Кстати, у харьковских соавторов недавно вышел сборник рассказов, на обложке которого читатель может лицезреть обе ипостаси известного писателя.

Лауреаты "Роскона"

С 10 по 13 февраля 2005 года под Москвой в пятый раз проводилась ежегодная литературная конференция "Роскон".

Премия "Алиса" за лучшую детскую фантастику была вручена Светлане Лавровой за книгу "Требуется гувернантка для детей волшебника".

Премия "Большой Роскон" за заслуги перед фантастикой — известному писателю-фантасту Геннадию Мартовичу Прашкевичу.

Премия "Фантаст года", учрежденная издательством "Эксмо" совместно с оргкомитетом "Роскона", которая присуждается самому рейтинговому и успешному автору-фантасту по результатам прошедшего года, досталась Сергею Лукьяненко.

Почетное звание "Гигант фантастики" присуждено комитетом Книги рекордов России Василию Головачеву — за самые большие тиражи на протяжении длительного времени и наибольшее количество изданных книг. Для проводившего проверку и регистрацию рекорда Международного агентства рекордов и достижений поводом послужила книга Головачева "Ко времени моих слез", вышедшая в ноябре 2004 года в издательстве ЭКСМО. "Ко времени моих слез" — сороковая оригинальная книга автора, что является бесспорным рекордом в российской фантастике. Писателю был вручен сертификат, подтверждающий регистрацию рекорда.

Специальный приз оргкомитета "Роскона" вручен журналу "Если".

Премии, вручаемые по результатам голосования участников конференции

В номинации "Роман":

"Золотой Роскон" — Олег Дивов за роман "Ночной смотрящий";

"Серебряный Роскон" — Марина и Сергей Дяченко за роман "Варан";

"Бронзовый Роскон" — Александр Громов и Владимир Васильев за роман "Антарктида online".

В номинации "Повесть, рассказ":

"Золотой Роскон" — Марина и Сергей Дяченко за повесть "Уехал славный рыцарь мой:";

"Серебряный Роскон" — Олег Дивов за рассказ "Енот допрыгался";

"Бронзовый Роскон" — Сергей Лукьяненко за рассказ "Кровавая оргия в марсианском аду".

В номинации "Фантастиковедение":

"Золотой Роскон" — Александр Громов за статью "Ушибленные стремительным домкратом";

"Серебряный Роскон" — Андрей Шмалько за статью "Наконец-то литература";

"Бронзовый Роскон" — Дмитрий Байкалов и Андрей Синицын за статью "В ожидании Его".

По результатам прошедших мастер-классов были отмечены следующие авторы:

— *мастер-класс Г.Л.Олди:* Ирина Непочатова, рассказ "Дятелок";

— *мастер-класс Александра Громова:* Ирина Сереброва, рассказ "Переиграть Корпорацию";

— *мастер-класс Марины и Сергея Дяченко:* Наталия Егорова, рассказ "Ложка";

— *мастер-класс Сергея Лукьяненко:* Юлия Остапенко, рассказ "Собака моего врага";

— *мастер-класс Андрея Лазарчука:* Александр Резов, рассказ "Следы на снегу".

Новый Грандмастер

Этого титула в нынешнем году удостоена популярная писательница **Энн МакКэффри**, автор знаменитого цикла о планете Перн. Звание Грандмастера присуждается голосованием членов Американской ассоциации научной фантастики (SFWA).

Претендентами на другие награды "Небьюлы" по разным номинациям стали:

Романы:

Лоис МакМастер Буджолд, "Paladin of Souls"
Кори Доктороу, "Down and Out in the Magic Kingdom"
Джек МакДевит, "Omega"
Дэвид Митчелл, "Cloud Atlas"
Шон Споарт, "Perfect Circle"
Джин Вулф, "The Knight".

Большие повести:

Кэтрин Азаро, "Walk in Silence".
Адам Трой-Кастро, "The Tangled Strings of the Marionettes".
Вернор Виндж, "The Cookie Monster".
Уолтер Йон Уильямс, "The Green Leopard Plague".
Конни Уиллис, "Just Like the Ones We Used to Know".

Малые повести:

Энди Данкан, "Zora and the Zombie".
Эллен Клэйгс, "Basement Magic".
Кристофер Роу, "The Voluntary State".
Уильям Сандерс, "Dry Bones".
Лоис Тилтон, "The Gladiator's War: A Dialogue".

Рассказы:

Эллен Ганн, "Coming to Terms"
Майк Москоу, "The Strange Redemption of Sister Mary Anne"
Майк Резник, "Travels With my Cats"
Бенджамен Розенбаум, "Embracing-The-New"
Грег ван Экхарт, "In the Late December"
Кен Уортон, "Aloha".

Киносценарии:

Брэд Берд, "Суперсемейка"
Макки Грабер и Эрик Бресс, "Эффект бабочки"
Чарли Кауфман и Майкл Гондри, "Вечное сияние чистого разума"
Фрэн Уолш, Филиппа Бойерс и Питер Джексон, "Властелин Колец: Возвращение Короля".

Лауреаты премии станут известны на церемонии награждения, которая состоится 30 апреля в Чикаго.

Кстати, со следующего года будет вручена **новая премия**. Ее учредила Американская ассоциация писателей-фантастов, присвоив ей имя "бабушки американской фантастики" Андре Нортон. **Andre Norton Award** будут вручать за лучшую юношескую фантастику. Первые победители определятся в 2006 году по итогам года нынешнего. Вручаться премия будет одновременно с присуждением Nebula Awards. Членами жюри для отбора лучших произведений уже назначены писатели Шервуд Смит, Дженни Ли Симнер, Джейн Рэйб, Виктория МакМанус, Грег ван Экхут, Марта Бартер и Кэтрин Азаро.

Мартовская ночь, или Броккенский козел

Петюн Гливый перевернул листок настольного календаря и увидел написанную рукой секретарши Эльвиры фразу: "Завтра 8 Марта!"

"На подарки намекает, — ухмыльнулся Гливый. — Сюрпризов хочет. Будет тебе сюрприз!" Во внутреннем кармане пиджака лежали два билета до Швейцарии, куда Петюн вылетал через три часа с моделью Даной, которая должна была сменить Эльвиру в его постели и офисе. В этом сезоне модно было иметь в любовницах моделей и летать в Швейцарию. В том же кармане лежал и конверт для Эльвиры — с копией приказа об увольнении и открыткой со словами "Свободна, как птица. Лети куда хочешь".

Рисунок Михаила САЧКО (Киев)

Вдруг двери отворились, и в кабинет вперлась цыганистая бабища с необъятной сумкой. Гливый от неожиданности на мгновение утратил дар речи, и баба не преминула этим воспользоваться. Поток ее красноречия накрыл Петюна с головой, и несколько минут он мог лишь обалдело моргать глазами. За это время бабища, назвавшаяся представительницей какой-то канадской фирмы, успела заставить весь стол коробочками, баночками и флаконами и раз сто выразить безграничное изумление, что Гливый не пользуется ее продукцией и при этом до сих пор жив. А главное, все это богатство продавалось по специальным праздничным ценам, значительно более низким, чем даже на седьмом километре от Одессы. Более того, купив четыре единицы любого товара, покупатель получал пятую в подарок...

Слово "подарок" вывело Петюна из ступора, и он поинтересовался, что у бабы дешевле всего. Та ткнула ему баночку с зеленоватым кремом и поклялась, что дешевле бывают лишь предвыборные обещания. Крем ощутимо вонял болотом, но баба заверила Гливого, что этот легкий пикантный аромат обусловлен тем, что крем производится исключительно по старинным рецептам из природного сырья.

— Никакой химии, натуральный ночной крем для тела. Намажешься — и такая легкость во всем теле, словно летишь...

Бабища ушла, а Петюн вызвал главбуха и вручил ему четыре баночки и конверт:

— После обеда от имени фирмы вручишь нашим девкам. А конверт — лично Эльвире.

Потом покрутил в руках пятую, призовую баночку и, бросив ее в дорожный несессер, поехал в аэропорт.

* * *

Поздно вечером Петюн сидел в номере перед телевизором и потягивал пиво, второй час ожидая выхода Даны из ванной. Гливый, с детства ненавидевший водные процедуры, удивлялся подобной задержке, но звать модель не спешил, поскольку всегда предпочитал общество пива женскому. Кроме того, следовало придумать, как лучше осуществить то, ради чего, собственно, Петюн и направился в Швейцарию, а не на менее модные Канары.

Каждый приличный бизнесмен должен иметь счет в швейцарском банке, а Гливый считал себя очень приличным бизнесменом. Сотня тысяч "зеленых", до того распиханных по бесчисленным чемоданам модели, были уже упакованы в кейс. Оставалось решить, куда и как этот кейс отнести.

Вдруг в окно постучали. Гливый отвел глаза от телевизора и во второй раз за последние сутки оцепенел. В окно десятого этажа заглядывала... Эльвира. "И здесь в пиво что-то мешают", — подумал Петюн, но тут стекло со звоном разлетелось, и в номер с буйным визгом влетели четыре ведьмы. Впереди на пластмассовой пальме из Петюнового офиса — Эльвира. За ней на главбуховой трости — Верка из бухгалтерии. Следом — уборщица Надька на швабре, а последней, как и положено самой молодой, — курьерша Анечка на скейтборде.

— Привет, Петюнчик, — Эльвира, залихватски приземлившись возле дивана, клюнула Гливого в щечку. — А мы вот с девочками по пути на Броккен залетели поблагодарить тебя за сюрприз. Не каждый шеф додумается подарить подчиненным ведьмовскую антигравитационную мазь, да еще и пожелать счастливого полета. Так что большое тебе спасибо от женщин нашей фирмы.

— Да не за что, — выдавил из себя Гливый. — Для вас все что угодно...

— Я знала, что на тебя можно рассчитывать, Петюнчик. Дело в том, дорогой, что для визита на Броккен нам не хватает одной важной детали. Немецкие ведьмы такие скупердяйки. Устраивают прием за свой счет лишь в Вальпургиеву ночь, а в другие ночи хотя бы одна из прибывших иностранок должна быть верхом на козле. Козла хозяйки жарят, а спешенной гостье вручают вместо него сувенирную метлу с эмблемой Броккена. Как видишь, нужного подарка у нас пока нет...

— Да и у меня... — начал было Петюн, но Эльвира перебила:

— У тебя, дорогой, нет, но ты ведь сам козел вонючий! Правда, девочки?!

— Козел, козел!!! — заверещали ведьмы и, стащив Гливого с дивана, поставили его на четвереньки. — Садись, повелительница!

— Я не козел! — заорал Гливый, — То есть, козел, но не такой!..

— Ничего, — зловеще молвила Эльвира, садясь на Петюна верхом. — Сойдет за национальный колорит.

— Девочки, ну зачем вам этот Броккен? Летели бы в Париж, на Канары...

— В Париже, милок, нужны деньги, а на Броккене берут козлами.

— Деньги?! Так бы сразу и сказали! Возьмите вон в кейсе и айда на Пляс Пигаль!

Бухгалтерша Верка опытным глазом оценила содержимое кейса:

— Тысяч сто будет.

— На неделю может хватить, — задумчиво молвила Эльвира. — Так что, девочки, может, и в самом деле в Париж?

Ведьмы охотно согласились и с радостным гоготом исчезли за окном.

Гливый, не в состоянии поверить своему счастью, так и стоял на четвереньках, глядя им вслед, и поэтому не видел пылающего завистью глаза модели, уже некоторое время наблюдавшей за событиями из-за приоткрытых дверей ванной.

Тихонько закрыв дверь, Дана оглянулась вокруг и бросилась к Петюнову несессеру. Зная натуру своего нового "господина и повелителя", она очень надеялась, что тот оставил немного крема для себя...

Сергей ПАЛЬЦУН

ЛЮБОВЬ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Писательская гильдия Америки присудила главный приз сценарию фантастической драмы "Вечное сияние чистого разума". История о том, как молодые люди пытаются избавиться от любви с помощью вмешательства в память, снятая по сценарию Чарли Кауфмана, Майкла Гонди и Пьера Бисмута, была блестяще воплощена на экране дуэтом Джим Кэрри и Кейт Уинслет.

Церемония награждения состоялась 19 февраля одновременно в Нью-Йорке и Беверли-Хиллз, Калифорния.

Кстати, на проходившем 12 февраля вручении ежегодных премий Британской Академии кино- и телеискусства (BAFTA) этот же фильм получил призы "за лучший оригинальный сценарий" и "лучшему редактору".

ДОЖИТЬ ДО БЕССМЕРТИЯ

"Постулат Уотсона" из повести Йена Макдональда "Ночь всех мертвецов" не дает покоя ученым. "Забудьте о превращении мусора в нефть и астероидов в ряды "фольксвагенов", о возможности повесить в гостиной точную копию холста Ван-Гога. Первоочередная задача нанотехнологии — сделать нас бессмертными", — утверждает этот постулат. И с ним абсолютно согласен 56-летний американский изобретатель и программист Рэй Курцвайл, основатель ряда компаний в сфере высоких технологий.

В новой книге "Фантастический рейс: живите достаточно долго, чтобы жить всегда" он обосновывает свою идею бессмертия людей. Более того, Курцвайл считает, что сможет сам увидеть триумф разума, если проживет еще лет двадцать. Потому он тщательно следит за собой, ежедневно отслеживает полсотни показателей здоровья, принимает витамины и пьет много зеленого чая.

Изобретатель говорит о трех мостах к бессмертию. Первый — здоровый образ жизни, способствующий долголетию. Второй — биотехнологическая революция, которая поставит лучшие достижения генной инженерии на стражу здоровья людей, победит многие болезни и замедлит сам процесс старения. Третий мост — нанотехнологии, которые, в конце концов, создадут мириады нанороботов, способных беспрерывно ремонтировать организм изнутри на клеточном и молекулярном уровне.

Изобретатель полагает, что общество справится с социальными потрясениями, которые неизбежно придут после появления реального бессмертия.

Следует заметить, что технологические предсказания Курцвайла не раз сбывались. Так, он за много лет предсказал появление программ, способных побить чемпиона мира по шахматам.

Владимир Аренев: "Не стоит себя ограничивать!"

(Продолжение. Начало на стр. 1)

Аренев!

— Первый вопрос — традиционный: как вы пишете вдвоем?

— А "мы" вдвоем и не пишем никогда! Или Аренев (художественные тексты), или Пузий (публицистику и журналистские материалы). Вообще же, если серьезно, то все равно человек остается один и тот же, как его ни называй. Просто давным–давно мой первый издатель решил, что фамилия "Пузий" некоммерческая, и предложил мне придумать псевдоним. Я придумал, книжка вышла — и вдруг оказалось, что это разделение очень удобно. В принципе, я секрета из своей настоящей фамилии не делаю, за псевдонимом не прячусь, просто более ясно и четко указываю: вот здесь текст художественный, здесь — журналистский. Одно пишется в первую очередь из внутренней необходимости, второе — зачастую тоже, но рецензия или статья может появиться как отклик на нечто более сиюминутное, преходящее. Разные цели, разные методы работы, разная стилевая палитра — и разные авторы. А человек один и тот же.

— Не мешает ли творческой деятельности преподавание?

— Скорее, помогает! Нельзя всю жизнь сидеть во флоберовской башне из слоновой кости, нельзя заниматься только и исключительно писательством. Переключка на совершенно другой род занятий помогает не "свариться в собственном соку", не покрыться мхом. К тому же расширяет круг интересов; я постоянно узнаю что–то новое, готовясь к парам и общаясь со студентами.

— Как студенты относятся к тому, что их преподаватель — писатель?

— Вообще–то, обычно они этого не знают. Иногда к концу семестра некоторые разведывают это (журналисты все–таки!), но какого–то особенного "отношения" я не замечал. По–моему, это и нормально — на парах нам есть о чем поговорить помимо моих опусов.

— Приносят ли студенты свои "шедевры"?

— Приносят, иногда даже не зная, что я сам "грешен" в этом смысле. Просто какое–то время назад я имел отношение к институтскому литературному альманаху, фамилия так или иначе мелькает под критическими статьями... В общем, читаю, по мере возможностей советую, что можно сделать с "шедевром", как доработать и где напечатать. В принципе, по–хорошему надо бы нашим издателям раз в год проводить для молодых писателей один–два семинара–практикума, потому что и ошибки, и советы по их исправлению, в общем–то, типичные. Ведь пользы в советах отдельно взятого Аренева не так уж много, это капля в море. Да и практические результаты тоже не ахти какие: я не редактор издания, не директор издательства, не литагент, двигающий молодых авторов на рынок; чужие тексты читаю крайне медленно.

— А к кому может принести свои произведения начинающий писатель, который не учится в Институте журналистики?

— О, во множество мест! Вопрос в том, чего хочет начинающий: всемирной славы, жесткой конструктивной критики, чтобы "просто прочитали". В последнем случае вполне можно отправляться в Интернет, на многочисленные сетевые конкурсы. Прочитают быстро, отзывы наверняка будут — причем не только приятные и не только конструктивные.

Если же хочется "живого общения"... ну, есть, наверное, какие–то кружки, клубы. На филфаке точно есть литстудия. Фантастам сейчас, кстати, проще, чем "просто писателям": есть масса жанровых изданий — газета "Просто фантастика", журналы "Порог", "Реальность фантастики", — а также множество изданий не литературных, но фантастику охотно печатающих. Хочешь публиковаться? — отправляйся к газетному киоску, в библиотеку, внимательно изучай ассортимент, ищи подходящие СМИ. Да и Интернет здесь будет нелишним: почти у

всех уважающих себя изданий есть сайты с координатами. "Стучите — и откроют вам", а дальше уже все будет зависеть от ваших творческих способностей.

— Пару лет назад в одном из интервью ты сетовал, что нет "полигона" для публикации рассказов, поэтому молодым авторам приходится начинать сразу с романов, что далеко не всегда на пользу и читателю, и самому писателю. Сейчас выходит довольно много журналов — и у нас, и в России, — сборников, где могут публиковаться начинающие. Улучшило ли это, на твой взгляд, ситуацию?

— Изменило — да. Улучшило ли — не знаю. Вот беру я в руки журнал фантастики — один, второй, третий, беру несколько сборников, вышедших в России... читать нечего. 99% рассказов написаны на коленке, второпях, просто для того, чтобы лишний раз засветиться. Молодые авторы быстро "просекли фишку", что публикации такого рода — хорошая реклама. А "мэтры и зубры" давно это знают. Но, мне кажется, обилие площадок для публикации привело к тому, что сейчас рассказы чаще пишутся не из внутреннего посыла: "Не могу не написать!" — а из внешних, конъюнктурных причин. Чтобы как можно чаще мелькало имя, чтобы отметиться хоть вот таку–усенькой написочкой, достойной разве что старшеклассника, — но обязательно отметиться!

Ошибка–то заключается в том, что если читатель один раз натолкнулся на плохо сляпанный текст, второй, третий... в четвертый он книгу этого автора в руки не возьмет. И вместо рекламы получается антиреклама. В этой ситуации мне ближе и понятней автор, который в год пишет один–два рассказа, но такие, которые запоминаются, берут за душу, которые хочется перечитывать.

— Когда, с какого момента ты стал думать о себе как о писателе? Влияет ли на такое самоосознание поддержка друзей, знакомых, количество публикаций, профессиональные премии?

— Не помню, когда. Да и важно ли это? Все перечисленные тобой моменты влияют на другое: помогают держаться на плаву, когда в жизни наступают трудные времена. И поддержка друзей всегда важнее прочего.

— Прошлым летом ты стал лауреатом Еврокона как лучший молодой писатель. Изменилось ли после этого что–то в твоей жизни? Насколько вообще важны подобные награды?

— Да вроде бы особенно ничего не изменилось: взяли несколько интервью, студенты, которых я тогда учил, вдруг узнали кое–что новое о своем преподе... и все, собственно. Другое дело, что, опять же, такая премия — это большая поддержка, трамплин. Ведь среди лауреатов Еврокона в этой номинации в прошлые годы были разные люди. Одни из них стали очень знаменитыми, другие, увы, сейчас мало кому известны. Премия — это просто подтверждение: да, ты можешь чего–то достичь. Но только если приложишь к этому свои, не чьи–то усилия.

— Благодаря тебе все читатели "Просто фантастики" знают, что писать для детей надо так же, как для взрослых, только лучше. А тебе самому интереснее писать детские книжки или взрослые?

— Интересно писать разные книжки: и те, и другие, на разные темы, в разных "декорациях", рассказы, и романы, и повести. С детскими на какое–то время случился перерыв, но очень надеюсь продолжить и сделать еще несколько, идеи есть и, кажется, есть желающие не только читать, но и издавать.

— "Город Тысячи Дверей" может существовать только в воображении. Но если бы он был реален — за какими Дверями хотелось бы оказаться тебе?

— Наверное, я предпочел бы обзавестись волшебной кистью и рисовать собственные Двери. Зачем себя в чем–то ограничивать?!

— При нынешнем обилии самых разнообразных книг если человек пишет, значит, считает, что чего–то все–таки в этой палитре не хватает. Чего же не хватает по твоему мнению?

— Ну, книги все–таки не элементы таблицы Менделеева, которых может быть строго ограниченное число! А если это хитрый вопрос о творческих планах — так всегда пожалуйста, расскажу. В апреле в серии "Під партою" выходит сборник рассказов на украинском — серия подростковая, но рассказы, в общем–то, рекомендованы к прочтению и взрослым; собственно, они изначально в "серьезных" журналах печатались: "Химия и жизни", "Реальность фантастики", "Если". И решение публиковать их в книге для подростков — не случайно.

Мне кажется, что нынешние дети, как раньше называли, "среднего и старшего школьного возраста", лишены литературы, написанной специально для них. Да, есть "Гарри Поттер", Лемони Сникет и т.п. — но этих книг до обидного мало. Собственно, речь идет даже не о книгах, написанных специально для подростков (хотя такие тоже нужны!), — скорее, о книгах, которые были бы интересны ребятам такого возраста. Разве "Остров сокровищ" или "Три мушкетера" исключительно детское чтение? Книги многих наших фантастов вполне были бы интересны и школьникам, но публикуются в сериях с такими страшенными мордами на обложках, что иной родитель и сам–то постесняется такую книгу в транспорте читать, не то что купить ее ребенку.

— Значит, все–таки переквалифицируешься в детские писатели?

— Ничего подобного! Чуть попозже, наверное, где–то летом или в начале осени выйдет на украинском "недетский" роман "Круги на земле" — конечно же, в серии "Алфізика". Это неформатная вещица, такая себе мистика, замешанная на славянском фольклоре и криптозоологии, действие происходит в белорусской деревне 90–х годов XX в.

На русском в апреле же в серии "Магический портал" издательства "Азбука" наконец–то будет опубликован первый том эпической фэнтези "Паломничество жонглера". Наверное, на данный момент это книга, в которую я вложил больше всего. Опять же, если все сложится нормально, в этом году успеет выйти и второй том, "Жребий жонглера". Над ним, собственно, и работаю сейчас. О качестве судить читателям, но для меня книга оказалась очень сложной: в ней несколько сюжетных линий, которые постоянно друг с другом контекстно перекликаются — и на уровне историй разных людей, и на уровне истории государств и идей; все это увязывать в единый текст–витраж нелегко, но крайне интересно.

— Помимо твоих собственных книг планируются к выходу книги, над которыми ты работал в другом качестве...

— Будут и такие. В апреле (да–да, прямо волшебный какой–то месяц!) выйдет книга, к которой я имею отношение, но не как автор, а как составитель и редактор серии. В издательстве "Зелений пес" — кажется, единственном, выпускающем сейчас фантастику на украинском, — основана новая серия "Іноземний легіон". Первым там будет сборник повестей и рассказов Геннадия Прашкевича. Причем туда вошли новые, в книжных публикациях не засвеченные и, на мой взгляд, очень сильные, блестящие вещи. Также подписаны контракты на издание сборника лучших рассказов Роберта Шекли и двух романов, Анджея Сапковского: "Башня дураков" и "Божьи воины". Кроме авторов, уже известных отечественному читателю, будут в серии и новые имена, которые, однако, успели завоевать себе славу у себя на родине.

— Твои пожелания читателям "Просто фантастики"?

— Побольше хороших книжек, побольше улыбок и солнца. И, пользуясь случаем, приглашаю всех на Международную ассамблею "Портал–2005", которая состоится в Киеве 14–17 апреля. Там можно будет и книжки новые купить, и пообщаться с упомянутыми выше Шекли, Сапковским, Прашкевичем, и поговорить о фантастике.

Беседовала
Ольга ОПАНАСЕНКО

Если не звали

—...и неоднократно подтверждено: если у человека чего-то нет в сознании, то он это и не воспринимает, не видит, понимаете? И поэтому мы осознанно видим, слышим, чувствуем гораздо меньше, чем наш мозг воспринимает на самом деле, реально. Знаете, что такое "воронка Шеррингтона"?

Он отрицательно качнул головой. Каждое слово колдуна звучало как откровение.

— Это такое образование в нашем мозге, которое первично фильтрует все сигналы от рецепторов тела. Девяносто процентов отбрасывает как неинформативные, а остальные сигналы укрупняет, объединяет, обрабатывает по сформированным схемам и этаким фонтаном предъявляет бессознательному — и уже оттуда они частично, по принципу наибольшей важности, и проявляются в сознании. Поэтому люди осознанно видят именно ту реальность, которая сложилась в их сознании...

—...хотя реальность гораздо шире и глубже, — закончил он.

Колдун кивнул:

— Можно сказать и так. Осознай неподготовленный человек все и сразу — и он готовый пациент для психбольницы. Просто сойдет с ума.

— А вы? Мне говорили, что вы...

— Да, — прервал его колдун. — Но я погружался постепенно; знаете, как заходят в холодную воду? Я погружался в продолжение чуть ли не двух десятков лет, и ненадолго. — Колдун скупо улыбнулся. — Зато теперь могу видеть то, чего не видят другие, и помогать другим, как зрячий помогает слепцам.

— Потому я и пришел к вам, — сказал он. — Я слышал, вы можете на миг сделать слепца зрячим.

— Могу, — не сразу отозвался колдун. — Не то чтобы слепец в полной мере обретет зрение, но кое-что разглядеть сможет. — Он поднял палец. — Повторяю, лишь кое-что — и очень недолго. Только стоить такая услуга будет недешево.

— Для меня деньги не проблема, — быстро сказал он. — Мне их девать некуда, потому что мне ничего не надо... Только бы взглянуть... Увидеть Париж — и умереть. Знаете, всякие там мечты идиота...

— Знаю, — колдун усмехнулся. — Но действительно ли хорошо, когда мечта сбывается?

— А хорошо ли не дожить до воплощения мечты? — возразил он.

* * *

Это случилось внезапно, вдруг, как и говорил колдун. За окном сгущались сумерки, он сидел на диване под настенным светильником, рассеянно скользя взглядом по строчкам взятой наугад с полки книги — делать ничего не хотелось, он был как натянутая струна... Не произошло ни малейшего движения, не раздалось ни единого звука, не стало теплее или холоднее — но все вокруг мгновенно преобразилось, словно его комната до этого неуловимого мига была всего лишь каркасом, схемой, скелетом, не более, а теперь скелет оброс плотью.

Он замер на диване, и книга выпала у него из рук. Он не узнавал свою комнату. Зловеще мерцали под затянутым каким-то туманом потолком багровые огни, подобные глазам чудовища... Телевизор превратился в бесформенное черное пятно... нет, в черный тоннель, в глубине которого шевелились бледные медузообразные сгустки... Часть стены под книжной полкой ходила волнами, и проступали на ней неведомые слабо светящиеся знаки. Серые тени ползали по ковру, спиралями завивались вокруг ножек стола. Лиловым светом разгоралось окно, и листва деревьев за окном, июньская листва, обернулась тысячами мохнатых шевелящихся лап. И доносились отовсюду тяжелые вздохи, и то и дело раздавался тонкий-тонкий свист...

Он повернул голову к двери, ведущей в прихожую, — и задохнулся, и сердце его превратилось в готовую вот-вот взорваться гранату. У двери, в полуметре от пола, парила почти прозрачная женская фигура. Вместо фотопортрета на стене, на котором запечатлено только лицо, — женская фигура. Мама... Мама, умершая за сотни километров отсюда много лет назад... И чья-то темная тень в углу, сгусток мрака, кто-то приземистый, истекающий злобой...

Мама... Он чувствовал, как горячими толчками бьется в виски взбесившаяся кровь. Значит, мама всегда здесь, рядом?..

— Да, мы всегда рядом, — чей-то бесцветный голос, казалось, прозвучал прямо в его голове. — По-другому и не может быть...

Он резко обернулся. В только что пустовавшем кресле у окна сидел человек... или не человек? Нечто туманное, подобное облачку, — и проступало из тумана лицо.

Он узнал свое собственное лицо...

Он хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова — губы его словно смерзлись, склеились и совершенно не слушались его.

— Мы пытаемся общаться с тобой, — продолжало нечто с его лицом, — но ты нас не слышишь. Только иногда, во сне, — да и то забываешь при пробуждении... Людям свойственно забывать...

И он вспомнил. Клочья... обрывки... тени теней... Нечто эфемерное, ускользающее, растворяющееся — стоило только проснуться... Да, оставались какие-то следы, что-то слегка царапало душу... Невесомый осадок... Запотевшее стекло... И исчезало в безжалостном утреннем свете.

— Да... — наконец-то сумел выдавить он из себя. — Помню...

Какое-то движение возникло в воздухе под люстрой — заструилось там что-то серое, клубящееся, потянулось к окну — и окружающее в единый неуловимый миг вернулось в обычное состояние. Словно выключили свет.

Он сидел на знакомом диване в знакомой до мелочей комнате — и на полу у его ног лежала книга. "Воронка Шеррингтона" вновь работала — все обрело привычные черты...

* * *

—...еще раз, пожалуйста... Прошу вас!

— Нет, — коротко и жестко сказал колдун.

— Но почему? Я заплачу... Называйте любую сумму!

— Нет, — непреклонно повторил колдун. — Деньги здесь ни при чем. В каждом деле есть свои законы, которые нельзя нарушать.

— Поймите, я страшно одинок, — он умоляюще прижал руки к груди. — Я хочу общаться с ними.

— Лучше общайтесь с людьми, — посоветовал колдун, аккуратно стряхивая в пепельницу пепел с кончика длинной тонкой сигареты.

— Я не желаю общаться с людьми, — глухо процедил он.

Колдун развел руками:

— Ничем не могу помочь. — Он струей выпустил дым в потолок и добавил: — Попробуйте все-таки... с людьми.

* * *

Теплая вода ласкала тело, ванна была полна почти до краев, дверь нараспашку — и бритва в руке.

"Скоро я буду с вами..."

Вода медленно окрашивалась в красный цвет. Нет, это отнюдь не запрещающий сигнал светофора — это сигнал скорого преображения и приобщения к тем, иным, что всегда незримо находятся рядом...

Ему было приятно и легко. Кружилась голова и чуть-чуть шумело в ушах. Близился миг перехода...

* * *

...Темнота... Темнота... Неподвижная вечная темнота, в которой никогда не сможет зародиться ни единого проблеска. В этой темноте невозможно ничего... Ничего и никогда...

Он не предполагал, а совершенно точно знал каким-то новым запредельным знанием, что обречен без движения пребывать в этой страшной темноте до скончания всех веков — без надежды на хоть какие-нибудь перемены. Навсегда — в темноте. И в бесконечном одиночестве.

И чудился ему иногда еле слышный шепот, просачивающийся сквозь застывшую плоть темноты небытия. Невнятный шепот иных, которых он никогда не увидит: "Мы тебя не звали... Не звали..."

И он бессилен был хоть что-то изменить.

И не было надежды.

"Не звали..."

Алексей КОРЕПАНОВ

"Мечтают — и не только об электроовцах..."

([д]озорное)

— Впусти меня, — попросила она, и он, конечно, впустил, не мог не впустить.

Эта игра началась еще на концерте "Грязных Удальцов", еще там он заприметил ее, да и она, она тоже выделила его из толпы: высокий, пышущий здоровьем мужчина, такие чаще встречаются на обложках модных журналов, чем в жизни. Последовал обмен взглядами: сперва оценивающими, потом будоражащими кровь, слишком откровенными. Он сделал вид, что смутился, и ушел, не дожидаясь, пока закончится концерт, но прежде еще раз посмотрел на нее.

Она поняла. Она не устояла. Она — здесь.

— Входи. — Дверь нараспашку, в мягко освещенном коридоре его силуэт. — Входи, входи!

Она перешагивает через порог — невысокая, в манящем декольтированном платье, с легкой улыбкой на губах. Многие бы отдали жизнь за эту улыбку. Дверь захлопнулась с легким щелчком.

— Как зовут тебя, красавица?

— Зачем звать? Я прихожу сама. — Ее изящные тонкие пальчики скользят по его запястьям и выше, ласкают напрягшиеся стальные бицепсы. — "Что в имени тебе моем? Ведь роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет".

Объятья становятся все сильнее, касания — откровеннее, ее губы и язык пахнут ванилью и на вкус чуть горьковаты.

— Ох, как бьется твое сердце! — Она просовывает правую ладошку под одежду, поближе к его разгоряченному телу, а губы скользят ниже, зубы легонько покусывают за шею, — ах, остренькие какие! — проступает кровь, "Прости, дорогой", — еще укус, теперь уже точно в цель, кровь брызжет, заливает ей лицо, она кричит, и сердце бьется, бьется!.. — не сердце, кол осиновый, который пробил его рубашку, ее правую ладошку, пиджак, ночное платье, вошел наконец в ее тело и уже (он чувствует это пальцами) вышел с той стороны, между лопатками.

— Ты...?! — удивленно-растерянное, обиженное; последнее, что она говорит.

— Я.

Он отстегивает специальный "нашейник", из которого уже вытекла вся свиная кровь. Касается пальцами места, где ее острые зубки поцарапали сталь; в мастерскую идти не придется, но вот на досуге самому подлатать надо будет. Костюм, разумеется, безнадежно испорчен, но это обычное дело, по-другому не бывает.

Он бережно снимает с кола ее ставшее вдруг очень легким тело, отвинчивает кол; дверца на груди с легким клацаньем становится на место. Теперь — прибраться в комнате и отправить отчет об еще одной обезвреженной охотнице.

И до завтра можно отдыхать: подзарядиться, сходить в мойку, устроить себе плановое "сон"-отключение. А потом — снова на работу, снова выслеживать и обезвреживать.

При этой мысли он испытывает некое непонятное чувство, похожее на то, которое возникает при резких перепадах напряжения в сети. Человек бы сказал: "Я волнуюсь, предвкушая", — но он ведь не человек.

* * *

— Отстреливать таких надо! — горячился хозяин автозаправочной станции.

Двое полицейских зевали и с недоумением осматривали испорченные машины. Густой рассветный туман клубился над заправкой; казалось, в нем скрывается нечто... нечто опасное.

— Вы уверены, что это не обыкновенное хулиганство? — спросил старший патруля.

— Уверен ли я?! А вы почитайте доклады ваших коллег, я же не первый раз заявление делаю! Каждый месяц по десятку машин...

— Сливают бензин? — предположил младший.

— Но зачем так?! И главное — это же какая наглость должна быть! Пока клиент отошел на минутку, а машина заправляется... — Хозяин только рукой махнул.

Старший патруля присел на корточки и коснулся пальцем двух круглых отверстий в бензобаке.

— Вот и он, как вы, приседал.

— Что? Вы видели преступника?!

— Говорю же, почитайте доклады. Один раз видел, случайно. Высокий мужчина, как только углядел меня, дал деру. А сперва, когда я его заметил, он как раз присел и... хм...

— Что?

— А-а, ладно. Все равно смеяться будете. — Хозяин перехватил хмурый взгляд полицейского и решился-таки: — Ну, этот хмырь — он будто лизал машину. И бормотал что-то вроде "овечка ты моя, овечка". Бывают же такие психи!... Так вы его поймаете, сержант?

— Обязательно поймаем! — бодро солгал старший. — А как же!

Гроб на колесиках

(страшилка)

В незапамятные времена в старом-престаром пятиэтажном доме жил-был маленький мальчик. Однажды родители оставили его одного и строго-настрого запретили подниматься на чердак, а тем более приносить оттуда что бы то ни было. Но как только они ушли, мальчик сразу же нарушил их запрет.

На чердаке было темно и отовсюду свисали клочья паутины. Маленький мальчик побродил немного, но ничего интересного не нашел. Он уже собирался уходить, когда увидел рядом с чердачным окном черный-пречерный игрушечный вертолетик — очень красивый, совсем как настоящий! Конечно же, маленький мальчик забрал его с собой!

И вот уже наступил поздний вечер, а родители все не возвращались. Надоело мальчику играть с вертолетиком, сломал он его и сел у двери ждать, когда же родители придут. Вдруг слышит на улице какое-то дребезжание. Выглянул — и глазам своим не поверил! К его дому подъезжал гроб на маленьких колесиках!

Тотчас двери в подъезде: скрип-поскрип! — и что-то тяжелое покатилось по лестнице вверх, к пятому этажу, на котором жил мальчик.

Перепугался маленький мальчик, но решил так просто не сдаваться. Стал у двери на цыпочки и в "глазок" посмотрел. Только гроб на колесиках вкатился на пятый этаж, мальчик двери распахнул, выскочил из квартиры и через окно на лестничной площадке выпихнул гроб наружу!

Долго ничего слышно не было. А потом снова двери в подъезде: скрип-поскрип! — и что-то тяжелое покатилось по лестнице вверх.

Опять маленький мальчик встал у двери и, как только гроб на колесиках вкатился на пятый этаж, снова сбросил его!

Еще дольше царила на улице тишина.

А потом двери в подъезде грозно так: скрип-поскрип! — и что-то тяжелое покатилось по лестнице к квартире, в которой жил мальчик.

Он уже дверь распахнул, чтобы опять гроб вниз спихнуть, но тут крышка гроба открылась.

— Мальчик, а мальчик? — сказали сидевшие внутри черные-пречерные человечки в белых тапочках. — Мы гномики-малютки, живем на чердаке этого дома. Обычно-то мы на вертолетике к себе поднимаемся, но кто-то стибрил у нас вертолетик. А знаешь ли ты, мальчик, как трудно целых пять этажей катить по лестнице наверх большой гроб *на колесиках?!..*

* * *

Когда родители вернулись домой, они удивились тому, как изменился их сын, каким стал тихим и задумчивым.

А когда маленький мальчик вырос, он стал известным механиком и инженером. И изобрел лифт.

Владимир АРЕНЕВ

НОВЫЕ ТАМАГОЧИ

12 марта на японских прилавках появятся "тамагочи нового поколения" — игрушка Naoru-kun ростом 24 см и весом 330 граммов. Симпатичный глазастый мальчишка произносит 150 различных фраз и реагирует, когда его тискают, обнимают и так далее.

Одна из наиболее интересных особенностей Naoru-kun заключается в том, что кукла может заболеть — начать кашлять и чихать. В этом случае дети должны куклу лечить, используя "игрушечную медицину". В распоряжении ребенка имеются шприц, леденцы от кашля и некое лекарство — во все эти изделия вложены чипы.

Производитель — фирма Bandai — заявляет, что игрушка предназначена для детей от трех лет и способна приучить ребенка заботиться о близких. Однако зная неспособность японцев устанавливать близкие отношения с живыми людьми и их пристрастие к разнообразным "электронным любимцам", следует предположить, что на Островах грядет новый бум.

Предполагаемая стоимость куклы — 6 тысяч иен (57 долларов).

ОЧКИ ДЛЯ СЛЕПЫХ

Миниатюрные видеокамеры, смонтированные на очковых оправах и соединенные с оптическим нервом, смогут возвратить зрение сотням тысяч людей, страдающих болезнями сетчатки — внутренней оболочки глазного яблока, содержащей светочувствительные клетки. Из-за таких болезней постоянно ухудшается зрение более 300 тыс.больных только в европейских странах.

Бельгийский профессор-офтальмолог Клод Ферарт, работающий в католическом университете Лувэн-ла-Нев под Брюсселем, и его коллеги уже успешно имплантировали двум пациентам в полость за глазным яблоком крошечные электронные устройства, передающие сигналы от видеокамер оптическому нерву, в свою очередь посылающему зрительную информацию прямо в мозг. Стоимость аппаратуры и операции составляет сегодня более 25 тыс.долларов, но при массовом распространении они станут намного дешевле.

Над разными вариантами подобных устройств сейчас работают 15 независимых групп в нескольких странах, но бельгийская группа, координирующая общеевропейские исследования, на сегодня добилась наилучших результатов. Представитель информационной комиссии Европейского Союза Вивиан Рединг заявила, что новые электронно-оптические устройства начнут внедряться в клиническую практику в 2008-2010 годах.

Истово верующие еретики

Александр Лайк и Анна Ли представляют

В этой рубрике мы представляем вам книги, которые стали классикой жанра. Людей, имена которых навсегда останутся в истории фантастики. Писателей отечественных и зарубежных. В их творчестве и судьбах много общего. И никаких границ нет и не может быть в стране под названием "Наша фантастика".

В прошлом году в издательстве "ЛК пресс" крайне малым тиражом вышла книга Кира Булычева "Падчерица эпохи". В этом мемориальном издании под одним переплетом собраны статьи и эссе разных лет. Есть там и крайне редкая статья "Как дерутся японцы". А в этой статье есть такой абзац:

"Поэтому я сделаю вид, что ничего не боюсь. И скажу, что Стругацких с Лемом сравнить нельзя, как нельзя сравнить дождь с капустой или вашу жену с Флоридским заповедником".

Красиво. И хлестко. Но неточно.

Сравнить можно все. Зависит это только от параметров сравнения. Флоридский заповедник больше капусты, но капуста ко мне значительно ближе. А жена любимее. Вопрос в другом: а какой прок от такого сравнения?

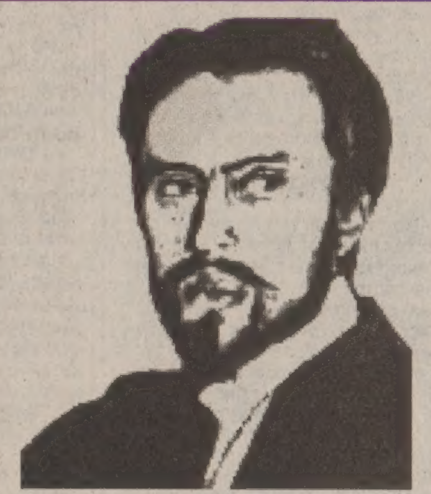
Бывают же ситуации, когда сравнение напрашивается. Когда оно просто необходимо. Ежи Жулавский и Клайв Стейплз Льюис — как раз такой случай.

Этих авторов разделяет около четверти века, но не это главное. По-настоящему их разделяет Первая мировая война. Война оказалась рубежом, на котором они — кто знает? — могли бы даже встретиться и который развел их по разным эпохам.

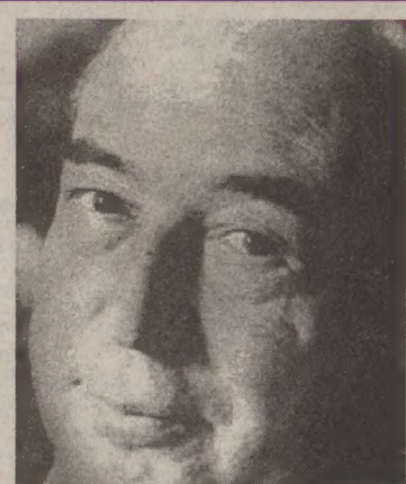
Сорокалетний Ежи Жулавский чуть ли не с первых дней войны вступил в Легионы Пилсудского и умер в полевом госпитале от тифа 9 августа 1915 года. Девятнадцатилетний Льюис в 1917-м поступает в Оксфордский университет, но к занятиям приступить не успевает — следует призыв, два года службы в Сомерсетском полку легкой пехоты, ранение шрапнелью... Только в 1919-м он вернется в Оксфорд.

Оба оставили нам немало книг, причем удивительно разнообразных — здесь и научные работы, и статьи, и эссе, и духовные труды. Жулавский писал даже стихи. Оба получили отменное образование (Жулавский после Краковской школы закончил университеты в Цюрихе и Берне). Оба очень интересовались философией и историей.

Но главный успех пришел к ним на ниве фантастики. А говорить мы сегодня будем — опять! — о двух трилогиях. "Космической трилогии" Клайва Льюиса и "Лунной трилогии" Ежи Жулавского. И в данном случае очень уместно будет сказать — видно, Бог троицу любит.

Ежи Жулавский (Jerzy Zulawski, 1874–1915)

Клайв Стейплз Льюис (Clive Staples Lewis, 1898–1963)

Дело в том, что обе трилогии смело можно отнести к тому, что сегодня называют "религиозной фантастикой". Подобное творчество выглядело достаточно смело даже в Англии конца 30-х годов, для Польши же начала века — просто немыслимо отважно. Ведь первая часть "Лунной трилогии", роман "На Серебряной планете" ("Na srebrnym globie") был опубликован в журнальной версии в "Народном голосе" еще в 1901-1902 годах! Кстати, роман Герберта Уэллса "Первые люди на Луне" также датирован 1901 годом. Книжное издание Жулавского появилось немного позднее, в 1903 году, зато мы можем гордиться, что вышло оно во Львове.

А книги-то по сути весьма и весьма еретичны.

Посудите сами: на Луну с Земли отправляются сразу две экспедиции, и обе неудачны. Немногие выжившие не могут вернуться домой и вынуждены заложить основу лунной цивилизации. Но тут оказывается, что уже первое поколение селенитов значительно меньше ростом и живет недолго. После трагической гибели двух последних спутников единственный истинный землянин оказывается патриархом народца, среди которого выглядит титаном ("тогда на Земле жили гиганты") и поразительным долгожителем ("Мафусаил"). И уже через пару поколений возникает культ Старого Человека, который привел людей из райского сада Земли, дал им закон и веру, а потом уйдет обратно на небо, но, возможно, поможет, когда настунит нужда...

Третья экспедиция, которую удалось организовать лишь много лет спустя, состоит всего из одного человека (роман "Победитель"/"Zwyciezca", 1908-1909, кн. изд. 1910 год). Каково же его изумление, когда он не только находит на Луне людей, но и выясняет, что его ждут, и более того, верят, что он принес избавление от напастей!

С напастями справиться не удается. Злополучный космонавт вступает в борьбу с первосвященниками и приговорен к побиванию камнями у позорного столба... Однако это немедленно приводит к возникновению нового культа — к неистовой вере во второе пришествие Победителя!

Третья часть ("Старая Земля"/"Stara Ziemia", 1910, кн. изд.1911), описывающая, как попавшие на Землю селениты наблюдают упадок и разложение земной цивилизации, слабее двух первых.

Сейчас вся эта история вряд ли может потрясти кого-то или шокировать, но напомню, что создана она в глубоко католической Польше более века назад.

В 1938 году первую часть своего "космического катехизиса" издает Клайв Льюис. Человек удивительной судьбы. Достаточно заметить, что он дважды баллотировался в профессоры, и два раза проигрывал выборы. Лишь на третий раз ему удалось победить, но не в родном Оксфорде, а в Кембридже, у конкурентов!

Ирландец-протестант, он с детства был весьма скептично настроен к религии. Очевидно, он устал от непрекращающейся вражды между католиками и протестантами, да и дед по матери, священник, изрядно утомил. В университете он тесно сближается с Дж.Р.Р.Толкином, а тот — потомственный католик... И тут вдруг, когда ничто уже вроде не предвещало перемен, Льюис внезапно уверовал.

Как тонко заметил один из исследователей творчества Льюиса Я.Кротов, к счастью для своей духовной биографии, Клайв обратился к религии незадолго ДО смерти отца. "Случись это после, и все сразу бы объяснили веру в Небесного Отца разлукой с отцом земным".

Окончательное обращение произошло 28 сентября 1931 года — хотите верьте, не хотите не верьте — по дороге в зоопарк!

И вот возникает книга, написанная, кстати, по договоренности с Толкином. Оба решили, что современная научная фантастика их не устраивает, следовательно, надо написать что-то свое. Толкин должен был написать роман о путешествии во времени, а Льюис — о путешествии в космосе.

У Толкина не получилось вообще ничего (этот его роман совершенно забыт сейчас). То, что получилось у Льюиса, — это какая угодно фантастика, только не научная.

Да, герои книги попадают на Марс ("За пределы безмолвной планеты" /"Out of the silent planet", 1938), на Венеру ("Переландра" /"Perelandra", 1943) и возвращаются для последней битвы на Землю ("Мерзейшая мощь /"That hideous strength", 1945). Но дерутся они не с жукоглазыми монстрами. Персонажам приходится выбирать, на чью сторону стать — Великого Духа Малельдила, создателя и покровителя, или Порченого, отрекшегося и восставшего. Вот такие, оказывается, на Марсе дела творятся...

На первый взгляд, трилогия Льюиса куда больше соответствует духу и букве Библии, куда более канонична. Но если читать внимательнее, находишь огромное количество замечательных тонких отличий. Книга Льюиса сейчас гораздо более доступна для читателя, нежели книга Жулавского, потому много говорить о ней я не стану: прочтите сами. Укажу только на одну яркую деталь.

На Землю, оказывается, еще не спускались посланцы Малельдила! Она — вотчина Порочного, который закрыл ее наглухо. Голос Земли даже не слышен в иных мирах — оттого она и Безмолвная.

Мда-а... а мы-то думали...

Как сказал один мой знакомый историк в разговоре о Льюисе: "Истово верующие еретики". Возможно. Об этом никак не мне судить.

А вот книги хорошие. Да и люди, очевидно, были хорошие.

Дом моей мечты

— Хом! Ты где пропадаешь? Я понимаю, свалившаяся на голову свобода способна опьянить даже такого основательного лентяя, как ты, но мог бы и предупредить, что шляешься неизвестно где! Я тут освободился, можно сказать, впервые за месяц! Прикатываю, а тебя опять нет на месте!

— Привет, Билд! Прости, но обстоятельства сложились самым чудесным образом. С утра пораньше в связи с ожидающимся возвращением моих с курорта решил смотаться на профилактику, все сделал, но на обратной дороге увидел такую виллу!

— Какую? Хом! Да их тут сотни! Тысячи! Что по Северной улице, что по Центральной!

— По Южной, Билд, по Южной! Новенькая! На участке у озера. Я едва мимо не пролетел, затормозил так, что впору обратно на профилактику ехать! Стою тут уже два часа, рассматриваю и не могу оторваться.

— Ничего себе, ты даешь крюки! Опять через лес решил проехать? Птичек послушать? Да и знаю я эти твои виллы! Блеснет новенькая крыша, тут же готов слететь на обочину!

— Нет, Билд! Поверь мне, на этот раз я не ошибаюсь! Это дом моей мечты!

— Ладно, еду! Конец связи!

***

Вилла действительно оказалась прекрасна. Стены были облицованы обыкновенным пластиком, но безупречные формы и особенное изящество постройки заставляли замереть всякого наблюдателя. Два легких прозрачных эркера на два этажа каждый образовывали что-то вроде невесомого портика, связанного поверху козырьком мягкой травяной кровли, приглушающей дождь и снабжающей внутренние помещения кислородом. Стрельчатые арки окон и дверей зрительно делали виллу еще стройнее и выше. Сквозь прозрачную стену между эркерами угадывалась легкая витая лестница. Затейливый флюгер подрагивал на незаметном ветерке. Манящая садовая дорожка упиралась в мраморные ступени и, раздваиваясь, облизывала виллу узкими лентами по бокам.

— А что сзади? — неожиданно охрипнув, прошептал Билд.

— Веранда, — скупо обронил Хом и, выдержав паузу, томно добавил: — Во всю стену! Из углепластика! Уровень прозрачности — сто двадцать! Первый этаж — кухня. Второй — зимний сад!

— Сто двадцать! Зимний сад! — как эхо повторил Билд. — А внутри?

— Полный пакет! — в отчаянии прошипел Хом. — Возможность трансформации — не менее восьмидесяти процентов! Дигитальная архитектура! Живой интерьер! Апартамент — люкс! Интуитивный дизайн! Все удобства! Звукоизоляция — абсолют. Бассейн в цоколе! Вода на всех этажах, включая чердак!

— Чердак! — воскликнул Билд и с завистью добавил: — Знакомиться не пробовал?

— Ты что? — возмутился Хом. — В такую рань? А правила приличия? Да и... сам понимаешь...

— Какие правила приличия? — едва не закричал Билд. — Уведут, как пить дать уведут! Забыл виллу на Северной? Так же ведь стоял, слюни пускал. И где она теперь? Размазня ты, братец!

— Плевать, — огрызнулся Хом. — По сравнению с этой — та вилла была обыкновенный сарай!

— Сам ты сарай, — бросил Билд. — Отличная была вилла. Пусть и не так хороша, как эта. Сам знаешь, красота дома — это важное качество, но не решающее.

— Не решающее, — согласился Хом, — но необходимое.

Билд посмотрел на приятеля. Тот стоял на обочине неподвижно, однако в неподвижности этой угадывалось непоколебимое упрямство и бурное отчаяние рядового сельского мечтателя.

— Как ты оцениваешь мои шансы? — трагически прошептал Хом.

— Я не оценщик, — нервно шевельнулся Билд. — В любом случае, пока твои не вернутся с моря, никаких серьезных шагов ты предпринять не сможешь. Любая сделка, если до нее, конечно, дойдет, требует непременного участия всех членов семьи.

— Везет тебе, — заметил Хом. — У тебя всего один член семьи, да и тот почти всегда пьян.

— Ты про Линду? — горько прошептал Билд. — Не пожелал бы я тебе такого. Ждать несколько лет появления детей, а вместе этого беспомощно наблюдать, как твоя хозяйка понемногу спивается.

— Детей... — мечтательно прошептал Хом. — Билд. Скажи мне. Только честно. Вот если взять архитектуру этой виллы и умножить ее на мою надежность, вкус, уют. Что получится? Хороший домик?

— Скандал и блокировка! — зло бросил Билд. — Мало, что ли, было подобных случаев? Хорошо еще, хоть в этом порядок навели. Вам, молодым, только дай волю — наплюете не только на проекты, но и на правила застройки! Хватит глазеть, поехали!

— Подожди, Билд, — попросил Хом. — Еще пару минут!

***

Два стандартных мобильных коттеджа разных серий проторчали на обочине пустынного шоссе еще два часа, пока сигнальная система "Home-232" не выдала предупреждение о возвращении его хозяев. Коттеджи выкатили на дорогу и помчались в сторону поселка. "Build-017" безнадежно отставал.

— Что с тобой, Билд? — возмущенно спросил Хом. — Не мог бы ты ехать чуть быстрее? Мало того, что я должен успеть к приезду хозяев, надо же и порядок в помещениях навести.

— Прости, Хом, — извинился Билд. — Но я старше тебя на десять лет и не так резв. К тому же Линда опять приползла с какой-то вечеринки под утро в свинячьем состоянии и сейчас спит на втором этаже. Я не могу рисковать здоровьем хозяйки!

— В таком случае — извини, — сказал Хом. — Я должен спешить.

"Home-232" увеличил скорость и вскоре скрылся за поворотом. "Build-017" проехал для приличия еще пару километров, развернулся и заторопился обратно. Остановившись напротив новенькой виллы, он плавно съехал на обочину и, вытянув кабели, вежливо хлопнул дверьми.

— Простите, мадам. Меня зовут Билд. Могу я узнать ваше имя?

Сергей МАЛИЦКИЙ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ КОШКА С ФАНТАСТИЧЕСКИМ ИМЕНЕМ

В одном из домов на западе Уэльса живет кошка, которая, вероятно, может считаться самой старой в мире. По мнению хозяйки Дианы Слиман, кошка приближается к тридцатилетнему рубежу, и, таким образом, почти на пять лет старше кота, попавшего в "Книгу рекордов Гиннесса" за свое долгожительство.

Диана взяла кошку к себе в 1978 году. "Однажды я вышла из дому и увидела на дереве кошку, которая улыбалась мне. Должно быть, ей было два или три года", — вспоминает она.

Хозяйка считает, что Амбер дожила до своего преклонного возраста благодаря здоровой диете. "Амбер любит треску, курятину, ест также и кошачьи консервы. Но ее излюбленное блюдо — креветки", — делится опытом Диана.

Как говорит Крис Марэ из компании, издающей Книгу рекордов Гиннеса, прежде всего нужно установить точный возраст кошки и лишь потом решать вопрос о новом рекорде. Амбер из-за возраста лишилась почти всех зубов, и ветеринары не могут точно определить ее возраст. Однако кроме этого и еще нескольких легких недомоганий Амбер находится в прекрасной форме. "Сейчас самой старой считается черная кошка Спук из Онтарио в Канаде, ей 23 года, — говорит он. — Поэтому, если подтвердится возраст Амбер, она наверняка попадет в Книгу рекордов".

ЗВОНКИ В КОСМОС: КТО ЗАПЛАТИТ БОЛЬШЕ ЗА 15 МИНУТ?

Базирующаяся на мысе Канаверал частная организация Deep Space Communications Networks решила выяснить, пользуется ли среди потребителей спросом возможность отправки сигналов в космос, и вышла на онлайновый аукцион с оригинальным предложением "Позвони инопланетянам" ("Call an Extraterrestrial"). На торги выставлена возможность отправить в открытый космос переведенные в цифровую форму изображения, текст и даже видео. Для этого используется 5-метровая спутниковая антенна-"тарелка" и передатчик, похожий на те, что в своих экспериментах применяют радиолюбители.

Победитель аукциона получит уведомление по электронной почте — подтверждение даты, времени, частоты и точных координат передачи его данных. Сама передача займет приблизительно 15 минут.

Разумеется, потенциальным покупателям никто не обещает, что инопланетяне примут сигнал и ответят на него.

Гори, гори, мой левый глаз...

Взвизг души по поводу одного из основных штампов

На любом сетевом конкурсе хоть в одном из рассказов (а часто — в нескольких) обязательно будет присутствовать персонаж, которого я характеризую как "вьюноша бледный со взором горящим". Он может быть девушкой. С горящими внутренним светом глазами. Или вампиром. С глазами, горящими пламенем ада. Пару раз попадались персонажи с горящими синими глазами. Тогда я даже улыбнулась.

Общая черта данных героев ясна?

Иногда глаза не горят, а сияют. Или мерцают (представила себе глаз со встроенным реле — улыбнулась еще раз). Или делают еще чего–нибудь. Светятся, в конце концов! Но обязательно внутренним светом — или же сиянием.

Попытаюсь разъяснить, что меня как читателя заставляет морщиться от данных сравнений.

Во–первых, их многочисленность. Первый автор, придумавший этот образ, заслуживает аплодисментов и медали на шею. Стотысячный автор, образ употребивший... стоп, тут я, пожалуй, приторможу фантазию и не стану выливать на читателя мои садистские мечты.

Во–вторых, частенько употребляемое словечко "внутренним". Подразумевающее, что глаза могут светиться еще и внешним светом. Очевидно, отраженным. Как, собственно, в жизни чаще всего и бывает. Но "отраженным" и "внешним" — фи, как пошло, как стебно! Не–е–е–е, у нашего героя глаза будут светиться именно изнутри. Потому как там (очевидно) имеется источник света. Внутренний.

В–третьих, предсказуемость оттенка свечения. У демонов и вампиров глаза светятся красным — и никак иначе! Хотя, помнится, встречался мне "красноватый цвет"... но это уже апофеоз. У главгера свечение синее. Или голубое... хотя в последнее время авторы стараются избегать данного цвета. Надо думать, из соображений политкорректности. Еще синим светятся глаза оборотней во время приступа... тьфу ты — полнолуния! Зеленое свечение присуще всяким там обольстителям/обольстительницам и ведьмам. Желтый присущ тоже ведьмам и демонам (наравне с красным).

Красный, желтый, зеленый... стоп, я не о том.

Черный свет (я не оговорилась, именно свет!), хвала всем богам, встречается пореже — большинство авторов все–таки понимает, что это где–то ближе к тьме. Но большинство — увы, не все. Разумеется, данное... хм... сияние не может быть встроено в глаза положительных персонажей. Монополия на него принадлежит всяким Черным Властелинам и прочим Императорам Ада (такие тоже мне попадались, но сейчас, опять же, не о них речь).

Что бы я посоветовала автору, который обязательно хочет подсветить глаза любимому герою? (Внимание: не засветить, а подсветить! И не в глаз, а глаза.)

Первое и самое главное: не делать этого. Потому как ну настолько уже надоело — начинающий автор даже представить себе не может, насколько! Встречаю такого на конкурсе или просто в рассказе — и устало говорю: "Здравствуй, милый, опять ты..." Удовольствие от чтения тут же начинает стремиться к нулю.

Второе (если автор попался упрямый, и глаза героя без сияния ну никак ему не представляются): подыскать как можно менее затертую метафору. Подсказка: помимо изложенных выше, избитыми (затертыми, заштампованными и пр.) считаются глаза, сияющие мудростью, любовью, добротой, пониманием, умом, желанием (неважно, каким), знанием... А, да, чуть не забыла: неземное свечение/сияние — тоже штамп!

Равно как и адское.

И еще одна подсказка: "глаза, сияющие неземной любовью" тоже будут затертым сравнением. Потому как от слияния двух–трех штампов оригинальное словосочетание, конечно, получиться может, но в 99 случаях из 100 штамп штампом и останется.

А уточнение чувств, испытываемых героем в момент, когда у него включается внутреннее освещение, часто выглядит забавным. "Глаза, сияющие знанием физики" — так и хочется дописать: "И в каждом зрачке — по формуле. В левом — формула кинетической энергии, в правом — потенциальной".

Номер два попробовали? Полюбовались на результат? А теперь подумайте о варианте номер три: может, не стоит нагромождать сложностей сверх необходимости? Ну, вот увидел ваш герой в глазах старика "неземную мудрость". А, простите, каким образом он ее углядел? В смысле, на что неземная мудрость была похожа? Ваш герой — телепат? Тогда, возможно, он посмотрел на старика (хорошо — в глаза!) и понял, что данный человек — великий мудрец. Ах, не телепат... Тогда упомянутая мудрость должна как–то проявиться.

Да не знаю я, как! Пусть старик теорему Ферма докажет, что ли... Не знает доказательства (все в порядке, его никто не знает!), да и вообще, ваш герой — орк–наемник, какая к Мелькору математика?!! Ну, пусть старик ему объяснит, что вон тот мох — съедобный, только не перепутай вон с тем, сынок... Словом, СДЕЛАЕТ что–нибудь. Проявит качество, светящееся в глазах.

И тогда свечение сделается необязательным, потому как и без него понятно: указанный персонаж крут и могуч.

Аналогично дела обстоят с добротой, красотой души и прочими замечательными качествами, которые сплошь и рядом светятся в глазах, но по ходу повествования никак себя не проявляют.

Трудно? А я не обещала легких путей. Кстати, еще одно замечание по данной теме и вообще: после характеристики персонажа (истинный эльфо–ариец, характер валинорский...), данной автором, наблюдать за персонажем не так уж и интересно.

Пусть–ка герой побродит по миру, помечется, поступки всякие понасовершает... А я, читатель, сама уже для себя решу, какой он, герой этот. И достаточно высокий уровень авторского мастерства — это когда мнение читателя и писателя о персонаже совпадает без известного театрального приема — кухонного сплетничанья слуг о главном герое пьесы.

И вот тогда — поверьте! — будет уже безразлично, чем там сияют у персонажа глаза.

Вредная Мелкость

Начинающий автор у окулиста

1. "Волосы, ниспадающие на лоб, из–под которых всегда торчат два добрых внимательных глаза"

...на тоненьких зеленых стебельках.

2. "не задаром мне мелькнули очи"

"Досуг. Выезжаю на дом. Оплата повременная. Тел. ...–..–..–.."

3. "Он смотрел на нее нордическим взглядом серых глаз"

Взгляд выдержанный, нордический...

4. "Глаза, как и у большинства поэтов, грустные, задумчивые, но, как и у большинства бардов, со скрытым веселым огоньком"

Вы когда–нибудь заглядывали в глаза коров?

5. "Он посмотрел на смуглую девушку молебным взглядом".

...и сказал ей псаломным голосом...

6. "В беседку трехэтажного дома забежал юноша, на его карих глазах стояли слезы"...

...вскоре слезы начали подпрыгивать и, наконец, пустились плясать вприсядку.

7. "Девушка поднялась и, протерев глаза, повернулась, чтобы продолжить бессмысленный путь, но наткнулась на зеленые глаза".

Девочка Машенька шла по малину
И наступила на ржавую мину.
Долго мне будут сниться во сне
Те голубые глаза на сосне. (с) народное

8. "Глаз Уджифа раскрылся, осветляя все вокруг адски–красным светом".

...для осветления лучше использовать перекись водорода — надежнее, знаете ли.

9. "Такая, настоящая блондинка, с голубым взглядом холодного варяжского моря".

Истинная арийка, ага...

10. "Самой главной чертой, украшающей его, являлись большие, бездомные голубые глаза..."

...сиротливо выглядывающие из кармана, где они нашли временное пристанище.

11. "...войдя в комнату и повернув глаза налево..."

Дети! Поставьте глаза на доску и слушайте внимательно!

12. "...горели красным внутренним огнем два глаза..."

Дымились бордовым внутренним дымом четыре уха...

13. "Тот же огонь в мгновение осветился и в глазах лошади седока..."

...освещенный фонариком в руках седока лошади.

14. "Веки неудержимо тянулись друг к другу, пытаясь увлечь девушку в объятия Морфея".

Это уже групповуха, однако!

15. "Он на сотую часть секунды прикрыл веки глаз..."

...но веки ушей оставил открытыми.

16. "Поэтому любого — даже самого младшего оруженосца, шагающего по Пригорке, неизменно сопровождала не одна пара любопытных глаз".

Почетный эскорт, понимаешь...

17. "В этот момент я почувствовал режущий взгляд на моей руке".

И колющий звук на своей спине... Я закричал и попытался стряхнуть взгляд, но тот лишь довольно урчал и, по–видимому, питался... Вообще–то, взгляд принадлежал Вредной Мелкости и назывался "бензопила"...

18. "Стены потолка расходились под его взглядом".

А крыша пола вообще уехала...

19. "Это были глаза цвета изумруда, они сияли своей дикой бездной и огоньком живого и озорного ума".

Живой и озорной ум смотрел из не своей дикой бездны и пытался понять — с какого ж похмелья так пишут?!

20. "Но над улыбкой были глаза, которые никак нельзя было назвать смеющимися".

Хотя и улыбку, которая была под глазами, никак нельзя было назвать плачущей.

Снегурочка

Либретто оперы (музыка Н.Римского-Корсакова по мотивам пьесы А.Островского)

Действующие лица:
Снегурочка — бизнес-герл
Бобыль, Бобылиха — ее приемные родители, учителя на пенсии
Лель — поп-певец
Купава — фотомодель
Мизгирь — олигарх
Берендей — генеральный прокурор
Весна — биологическая мать Снегурочки, эмигрантка
Жители Берендеевки, судебные приставы

Пролог

Картина первая. Адвокатская контора.

Прибывшая из южных краев на самолете Весна исполняет арию о том, что перед эмиграцией она, брошенная мужем, вынуждена была отдать свою дочь Снегурочку Мороз в детский дом. Теперь она, вдова богатого промышленника, хочет разыскать дочь и готова заплатить за это крупное вознаграждение.

Картина вторая. Двор многоквартирного дома в спальном районе Берендеевки

Жители празднуют очередное повышение цен на нефть. Бобылиха тащит домой мужа, ругая его за то, что он пропил прибавку к пенсии. Появляется Снегурочка. Она сообщает, что прошла собеседование и принята на работу в одну из компаний нефтяного магната Мизгиря. Бобыли громко выражают свою радость и хвалятся тем, что проявили проницательность, взяв Снегурочку из детского дома. Общее веселье.

Действие первое

Тот же двор полгода спустя. Жители, играя в домино и попивая пиво (тут можно разместить рекламу, если постановка осуществляется не на ТВ), осуждают богемный образ жизни популярного певца Леля.

Входят Снегурочка и провожающий ее Лель. Он напрашивается в гости и жалуется, что Снегурочка — единственная женщина, которая ему отказывает. Снегурочка отговаривается тем, что устала на работе и у нее болит голова.

Лель уходит. Появляется подруга Снегурочки Купава. Она бранит Снегурочку за то, что девушка слишком строга с Лелем: это может внушить превратные мысли о ее сексуальной ориентации. Снегурочка уверяет, что ей не до личной жизни, она занята сейчас исключительно карьерой. Купава возражает, что в Берендеевом царстве женщина может достичь успеха только путем удачного замужества. Вот, например, она на конкурсе "Мисс Берендеевка" познакомилась с Мизгирем. Он возил ее на Канары и зовет замуж.

Снегурочка заинтригована, так как ни разу не видела босса. Купава обещает их познакомить.

Во двор въезжает "мерседес" Мизгиря. Купава радостно представляет жениху свою подругу и его подчиненную. Но, увидев Снегурочку, Мизгирь разрывает брачный контракт и начинает склонять Снегурочку к сожительству, пользуясь служебным положением.

Девушки убегают: Снегурочка в слезах, Купава — в ярости.

Действие второе

Картина первая. Квартира Бобылей.

Входит Мизгирь с телохранителями. Он угрожает уволить Снегурочку с работы, если та не выйдет за него замуж. Она гордо отказывается, ссылаясь на конституционные права. Мизгирь меняет тактику. Он обещает стать спонсором находящейся на грани закрытия школы, в которой всю жизнь проработали Бобыли. Бобыли уговаривают Снегурочку согласиться. Разгневанная Снегурочка выбегает из квартиры, хлопнув дверью. При этом из почтового ящика выпадает извещение из адвокатской конторы. Снегурочка машинально кладет его в карман.

Картина вторая. Прокуратура.

Охранники пытаются преградить вход Купаве. Но, услышав, что она принесла компромат на Мизгиря, с пением "Разве для девушек двери затворены, входы заказаны?" — навстречу ей выходит сам генеральный прокурор Берендей.

Купава сообщает, что Мизгирь утаивает от государства свои доходы и не выплачивает налоги. Берендей немедленно приказывает устроить обыск в компании Мизгиря, вызвать свидетелей и начать судебный процесс.

Появляются свидетели — Бобыли и Лель. Приставы вводят Мизгиря в наручниках. Последний не отрицает факта неуплаты налогов, но оправдывается тем, что забыл их заплатить, увлекшись Снегурочкой. Судебный пристав приглашает Снегурочку. Берендей озадачен. Он пытается допросить девушку, но та растеряна и отвечает невнятно.

Берендей готов отпустить Мизгиря под подписку о невыезде, при условии, что тот представит доказательства своих отношений со Снегурочкой и уплатит налоги. Лель возмущен. Снегурочка — типа его девушка! "Разбирайтесь сами!" — грозно возглашает прокурор. Последний срок для представления доказательств — день независимости Берендеева царства.

Действие третье

Картина первая. Главная площадь Берендеевки, где должен состояться концерт Леля в честь дня независимости.

Собирается публика. Снегурочка надеется, что Лель представит ее зрителям как свою невесту. Но тот демонстративно пренебрегает ею, а на ее вопрос громко заявляет, что она ему надоела. Его раздражает ее серый бизнес-костюмчик, ее сиськи и прочие анатомические подробности. Он выволакивает на сцену Купаву со словами: "Вот настоящая телка!" Купава заливается счастливым смехом. Снегурочка заливается слезами. Лезет в карман за платком, но вместо платка обнаруживает извещение от адвоката.

Картина вторая. Номер в гостинице, где остановилась Весна.

Мать и дочь встречаются. Весна передает Снегурочке, в качестве компенсации за моральный ущерб, чек на значительную сумму, но предупреждает, что операции, коими нажито состояние ее покойного супруга, в Берендеевом царстве считаются незаконными. Поэтому чек нужно обналичить, пока до него не добрались спецслужбы, подконтрольные президенту Яриле. Осчастливленная, Снегурочка уходит.

Картина третья. Улица перед прокуратурой.

Идущая в задумчивости Снегурочка встречает Мизгиря. Он сообщает, что заплатить налоги не может, ему грозит тюрьма, и перед тем, как отправиться за решетку, просит простить его безобразное поведение.

Снегурочка поражена его благородством. Она предлагает Мизгирю свою руку, сердце и чек. Влюбленные, забыв о предупреждении Весны, поют дуэтом, мечтая о будущем счастье, поездках в экзотические страны, особняках, крутых тачках и прочем, без чего счастье невозможно.

Дверь прокуратуры распахивается. Появляются Берендей и все остальные. Мизгирь готов предъявить Снегурочку как свидетеля защиты и гаранта уплаты налогов. Но поздно! Ярила сделал свое дело. Счет Снегурочки в банке арестован.

Чек на глазах у всех тает. Снегурочка умирает от горя. Мизгирь выпивает яд, зашитый в галстуке. Публика слегка шокирована, но Берендей успокаивает ее. "Снегурочки печальная кончина и страшная погибель Мизгиря тревожить нас не могут!" — поет он. Правда, налоги остались невыплаченными, но социальная справедливость восстановлена.

Лель и Купава объявляют о совместных гастролях.

Опера заканчивается общим молебном в честь Ярилы "Бог Ярила — свет и сила!"

Наталья РЕЗАНОВА

КОМПЬЮТЕР ДОВЕДЕТ ВЫПИВОХ ДО КОНДИЦИИ

Специализирующаяся на "сплаве" искусства и современных технологий шведская лаборатория "Smart studio" Интерактивного института представила свой новый проект — "Мозговой бар" (BrainBar). Это машина, которая смешивает спиртные напитки сообразно состоянию посетителя.

Желающий воспользоваться услугами необычного "бармена" надевает на голову ленту с датчиками. Машина снимает энцефалограмму — альфа- и бета-ритмы мозга, которые указывают на степень возбуждения или расслабления, а компьютер подбирает коктейли так, чтобы подстегивать или, напротив, подавлять эмоции гостя — в зависимости от полученной задачи. Говоря проще, машина доводит каждого пьющего "до кондиции", но следит, чтобы гости не слишком увлеклись.

SMS-МАНЬЯКИ

Удобный способ общения посредством SMS давно приобрел большую популярность у населения. У этого сервиса появились настоящие фанаты. Так, один британец не выпускает из рук телефон даже в постели, продолжая вести переписку и во сне.

23-летний житель города Суонси Ричард Гриффитс страдает необычным расстройством, которое можно определить как SMS-лунатизм. Близкие и друзья молодого человека уже перестали удивляться, когда среди ночи от него приходит сообщение странного характера, явно написанное под влиянием сновидений. Сам Ричард говорит, что, засыпая, впадает в полусознательное состояние и начинает переписку.

Первый раз это случилось полтора года назад, когда в два часа ночи мама Ричарда внезапно получила сообщение от сына. В следующий раз он отправил SMS другу, страшно его при этом перепугав. Ричард писал, что его кто-то преследует, и просил о помощи. Взволнованный товарищ тут же перезвонил Ричарду и с удивлением узнал, что его друг на самом деле сладко спит.

В другом случае Ричард, которому, видимо, приснился сон под влиянием просмотренного накануне фильма "Книга Джунглей", написал приятелю сообщение следующего содержания: "Балу, ты видел Багиру?"

Озабоченный своим психическим здоровьем, Ричард решил проконсультироваться с доктором. Однако профессор Крис Идзиковски, к которому обратился SMS-лунатик, лишь развел руками, так как никогда ранее не сталкивался с подобными случаями.

Стоит отметить, что это далеко не первая жертва SMS-мании. Не так давно 14-летняя итальянка, которая отправляла по 100 сообщений в день, в результате попала в больницу с воспалением сухожи-

Як тебе не любити...

Киев в произведениях зарубежных писателей-фантастов

Ничего нет удивительного, что столицу нашей родины любят и описывают в своих произведениях украинские писатели. Не удивляешься и тому, что ее упоминают авторы из сопредельных государств. А вот когда натыкаешься на название родного города в произведениях зарубежной фантастики, ощущаешь гордость — ага! знают наших! Правда, иногда берет оторопь: ничего себе понятия у иностранцев о Киеве!

Вот, например, Автомат-Джек, спец по компьютерному железу из **"Сожжения Хром" Уильяма Гибсона**, потерял под Киевом руку: "Дельталлaнеризм над пшеничным полем... неподалеку от одного городка, который называется Киев. Всего-то навсего — наш Джек висел там в темноте под дельтапланом "Ночное крыло" да еще запихал между ног пятьдесят килограммов радарной аппаратуры. И какая-то русская жопа отрезала ему лазером руку. Случайность..." С тех пор Джек пользуется нейроэлектрической дюралюминиевой конечностью.

Именно из Киева приехал в Лос-Анджелес со своей фазз-гранж группой "Ядерные расплавцы" Виталий Чернобыль — сосед Хиро Протагониста из романа **Нила Стивенсона "Лавина"**. "Прибыв в Лонг-Бич на угнанном беженцами бывшем советском грузовом корабле, Виталий Чернобыль и его "Ядерные расплавцы" рассеялись по Южной Калифорнии в поисках железобетонных равнин, похожих на те, что оставили в родном Киеве. Тоска по родине их не томила. Такая среда требовалась им для искусства".

Не все американцы считают Киев "железобетонной равниной". **Ричард Бах в "Единственной"** описывает его как город, который "известен прежде всего своими издательствами и киностудией". Впрочем, именно на столицу Украины (точнее, на "железнодорожный вокзал в центре и станкостроительные заводы на окраинах") должен зимой 1962 г. сбросить водородную бомбу молодой американский летчик — Бах-альтернативный...

Ну, ничего. Мы им тоже отомстили! Да еще и как! В результате Большой Ошибки, которую описывает **Дэн Симмонс в "Гиперионе"**, вся Земля стала непригодной для проживания. Первое время некоторые богачи, вроде семьи будущего Поэта Мартина Силена, возвращались, "когда наступала "ремиссия" — этим расплывчатым термином обозначали непродолжительные (от 10 до 18 месяцев) периоды затишья между планетарными спазмами. В это время черная мини-дыра, которую Киевская Группа засадила в самый центр Земли, как бы переваривала содержимое своей утробы в предвкушении очередного пиршества. А когда опять наступал "период активности",...отправлялись... на расположенный за орбитой Луны терраформированный астероид..." Увы, вскоре все земляне были вынуждены покинуть родную планету...

Как видите, нас считают опасными, но зато умными и творческими. Во всяком случае, в мире фантастическом...

Роман КАРАКОЗ

СинтезёР

Эарен проснулся за две миллисекунды до будильника. Рванулся хищными пальцами ухватить будильник за хвост — и, как обычно, не преуспел. Вредная птичка вспорхнула с тумбочки, взмыла под потолок и заорала во всю глотку.

Живые птицы размером с воробушка не способны издавать звук такой силы. Да и вообще такой звук. Утренний вопль будильника был собран из классического "кукареку", брачного крика павлина и воя полицейской сирены образца XX века.

Птичка моталась по квартире, делала петли, бочки и другие противоракетные маневры и вопила так, что закладывало уши. Эарен потянулся, набрал на тумбочке код и достал пакетик с кунжутом.

— Цыпа, цыпа, — с ненавистью сказал он.

Будильник умолк и заложил вираж, косясь на хозяина бусинкой глаза.

— Да проснулся я, проснулся, — сказал Эарен. — Альфа-ритм головного мозга проверь, чучело!

Птичка удовлетворенно каркнула и шлепнулась на тумбочку. Эарен высыпал перед будильником горстку мелких зернышек. Поглядел, как клюет. Умилился. Вздохнул. Сдвинул набекрень мемори-блок и поскреб натертый за ночь затылок. Будильник, не прекращая склевывать кунжутинки, деловито затикал. Время поджимало.

Эарен спустил ноги с кровати, приласкал босыми пальцами травинки ковра. Ковер замурлыкал. Вот ковер у Эарена, в отличие от будильника, был живой — правда, генетически модифицированный по самое не могу. Хлопот с ним было, как с любым живым организмом, выше крыши, но Эарен его любил и лелеял. Каждый вечер расчесывал, исправно поливал и удобрял, гладил в чувствительных местах — под окном и за кроватью, и вопреки инструкции иногда баловал валерьянкой из расчета две капли на квадратный метр любимца.

Бережно ступая, Эарен прошлепал в ванную, забросил в рот зубоочистительную капсулу, сунул лицо под ионный душ. Затем нанес краткий дружественный визит в санузел. Напоследок завернул в кухонный блок, не глядя давванул клавишу пищевого агрегата. Агрегат протяжно заурчал, набирая обороты, но тут же осекся и недовольно дзынькнул: все, мол. Призывно разъехались в стороны створки. Эарен вынул чашку с дымящимся, черным, крепчайшим, раз навсегда запрограммированным утренним кофе.

— Вредно для здоровья, — грудным контральто сообщил комбайн. — Наябедничаю диагносту.

Эарен отхлебнул кофе, сделал в сторону заботливого агрегата скабрезный жест и покинул кухню. Ритуал пробуждения завершился.

Будильник встретил хозяина возбужденным чириканьем, попытался вспорхнуть ему на плечо. Эарен отмахнулся не глядя. Поставил чашку на стол рядом с клавиатурой, опустился в кресло и привычно взялся за виски, переключая мем-блок в режим воспроизведения.

— Доброе утро, Протекстор, — сказал Эарен. — Работаем.

— Здравствуй, хозяин, — мягким басом отозвался ИИИ — интуитивный искусственный интеллект. Засветились экраны, два плоских и голографический.

— Показ! — велел Эарен.

Откинувшись на спинку, он наблюдал за мельтешением картинок на экранах. Его тренированный мозг профессионала всю ночь генерил образы. Теперь нужно было выбрать. Эарен хлебнул кофе.

— Творчество, Протекстор, — сказал он, — это дикая смесь чутья, инженерного расчета и полной отсебятины. Стоп картинку. Берем наброски третий, девятый и тот, где звездолеты такие... угловатые. А там дальше посмотрим.

— Понял, хозяин.

ИИИ перевел основной экран в текстовый режим, вывел "Глава первая" и замер в ожидании. При виде плоских черных буковок на белом фоне Эарен испытал краткий прилив клановой гордости, единения с сочинителями всех времен — начиная с тех, которые еще в допечатную эпоху марали чернилами пергамент... Он опустил руки на клавиатуру, тронул букву "К".

"Космос раскрылся ему навстречу", — напечатал Протекстор.

Эарен перечитал фразу трижды, начало — это вам не продолжение, и утвердительно кивнул. Да. Именно навстречу.

— Ну — понеслась! — выдохнул Эарен, и руки его заплясали по клавиатуре.

Свежий текст на экране замелькал все быстрее, сливаясь в серое полотнище. Параллельно словам в диком вихре неслись образы на экранах визуализации. Эарен с Протекстором вышли на рабочий режим.

Примерно час они творили, не отрываясь. Потом Эарен прогулялся на кухню за кофе и бутербродами, и они проработали еще час. Потом стряслась беда.

Протекстор, который фоновым процессом непрерывно мониторил Всемирную Сеть, издал негромкий, но тяжелый вздох.

— Опять?! — Эарен подпрыгнул в кресле. — Кто? Ну, говори!

— Снова Пафнук, — сокрушенно сказал ИИИ. — Идея совпадает с нашим двадцать третьим наброском. Ты ж, хозяин, на двадцать третий хотел с пятнадцатого выходить, верно? Пафнук уже в Сети, индекс популярности...

— К гейтсу его индекс! — взревел Эарен. — Подлец, скотина! Как он успел? Нет, Протекстор, не отвечай, билл с ним. Придется менять сюжет. Значит... Берем, значит, двадцать шестой набросок... Та-ак, в седьмой главе надо отсылки переправить, и в одиннадцатой, где героя на астероид высаживают... Сделал? Да, и еще во второй главе был такой эпизод...

Некоторое время они ожесточенно вносили правки, затем вернулись к основной линии. Но ритм был утрачен. Полотнище текста на экране, которое до того текло плавно и вольготно, как равнинная река, теперь стало двигаться рывками, словно заело механизм.

А время угрожающе неслось вперед. Взмыл с тумбочки будильник и стал, суетливо трепыхая крылышками, описывать круги под потолком. Близился расчетный срок сдачи текста.

— Ты смотри, напоминание мне на голову не оброни, — проворчал Эарен.

Птичка обиженно крякнула, но на место не вернулась.

Сюжет, из которого выдернули одну из опорных идей — Пафнук, сволочь талантливая, терабайтщик гейтсов! — перекосился и никак не желал выходить на финишную прямую. Эарен в отчаянии даже пару раз нажал "бэкспейс", убив несколько страниц текста. Протекстор только охнул, но не ослушался. Наконец они кое-как выбрались к финалу, остались последние две главы и эпилог. Эарен перевел дух, собрался изречь что-то бодрое — и тут раздался сигнал вызова.

— Битые форточки! — выругался Эарен.

Образ Дэ–восемь возник в воздухе прямо у него перед носом. Литагент Эарена никогда не тратил времени на формальности.

— Давай текст, — сказал он. — Ну?

— Сейчас, — сказал Эарен. — Через... эээ... восемнадцать минут. Максимум двадцать.

Дэ–восемь смерил его взглядом, от которого даже вакуумная обшивка звездолета покрылась бы пупырышками.

— Ты, Эр, фантастику пишешь, верно? — сказал с обманчивой мягкостью.

Эарен не обманулся.

— Я ж твои тексты издателям отдаю как эти... футурастические. Так?

— Шестнадцать минут, — взмолился Эарен. — Ну ты ж меня знаешь!

— Через пятнадцать минут, — сказал Дэ–восемь с интонациями злой феи, — твоя фантастика превратится в мейнстрим, понял? Воплотится в жизнь. Станет реальностью. В новостях пойдут твои идейки как свершившийся факт. Знаешь, сколько за новости платят? Вот по репортерской ставке могу твой текст и пристроить... из дружеских побуждений.

— Да что случилось?! — выкрикнул Эарен, чуть не плача. — По прогнозам до воплощения моих идей еще полчаса, не меньше!

— Ежеутренний скачок информационных технологий, — хищно ухмыльнулся Дэ–восемь. — Это раз. Ты его, конечно, учел. А два — чего ты не учел — влияние на темпы инфообмена в нашем секторе Сети последнего романа Пафнука, опубликованного час назад. Молчишь? Пафнук — мой лучший автор, между прочим. И агентских он мне отстегивает на три процента больше тебя. Может себе позволить! А? Ты что–то сказал? Не слышу.

— Я сказал, не мешай работать, — с горькой гордостью произнес Эарен и сделал изображению "козу".

Дэ–восемь покрылся помехами и исчез.

— Все, Протекстор, — обреченно сказал Эарен. — Нет у нас больше литагента.

— Я не Протекстор, — отозвался ИИИ другим голосом, повыше и с неприятно визгливыми нотками. — Я вследствие эмоционального шока перешел в режим Текстанта. Так было суждено, мой господин. На все воля Высшего Разума.

— Только фанатика в доме мне и не хватало, — с тихим отчаянием пробормотал Эарен. — Ладно, плевать. Давай закончим роман, работа есть работа. Пусть даже его не купят...

И они закончили роман. Торопиться теперь было некуда, и Эарен с Текстантом тщательно свели сюжетные линии воедино, отшлифовали стиль, придали многомерность мотивам главного героя. Отвели душу, короче. Ушло на завершение текста целых два часа — впрочем, Эарен трижды прерывался. Посмотреть в новостях, как именно реализовались его идеи и прогнозы. Засунуть в клетку и накрыть платком будильник, впавший в истерику от хозяйского небрежения. И собственноручно смешать себе бокал мартини, предварительно отключив кухонный агрегат и медицинский диагност — потому что клетки, куда можно было бы засунуть эти два устройства, если они последуют примеру будильника, у Эарена не было.

Дописанный текст Эарен цинично выложил в Сеть. В свободный доступ. Без никаких условий.

А затем он улегся на травку и под мерное мурлыканье ковра предался размышлениям о сути творчества вообще и превратностях своей профессии в частности.

"И ведь были же времена, — думал Эарен, покусывая выпавшую из ковра травинку, — когда творец мог работать над романом неделю, а то и две. И после выхода текста проходило еще несколько дней, пока прогнозы не начинали сбываться. Авторы даже успевали общаться в Сети с коллегами и читателями, а не только загружали в мозг свежую информацию... Как им было интересно жить!"

Дэ–восемь возник над ним в клубах дыма, пронизанного сполохами, как атомный гриб в миниатюре.

— Меньше полутора не возьму, — агрессивно сообщил он. — Ладно, молчи, я все понял. Один и три десятых процента. Да брось мелочиться, тебе ж такой гонорар предлагают! Хорошо, хорошо, я готов извиниться... Извини, Эр, ну ты ж меня знаешь, не первый день вместе работаем. Но один процент мой! Согласен?

Эарен сдержал эмоции. Все. Начиная с предельного изумления.

— Подробности? — подняв бровь, сухо осведомился он.

— Пришлось вводить новый алгоритм подсчета рейтинга, — довольно хохотнул литагент. — По прежнему алгоритму твой индекс популярности зашкалило. Критики вопят о возрождении жанра исторического романа. Ретро, пишут. Ностальгия. Словечки–то какие повытаскивали! Короче, если напишешь, как ты дошел до жизни такой, тебе предлагают пятьсот миллионов за издание этих... мемориалов.

— Мемуаров, — брезгливо сказал Эарен. — Слушай, ты чего такой безграмотный? Книг не читаешь?

— Когда мне? — удивился Дэ–восемь. — А ты, что ли, читаешь?

Эарен загадочно улыбнулся. Врать не хотелось, а правда была запутанной и неоднозначной. В самый раз для мемуаров.

— Значит, так, — зачастил Дэ–восемь, профессиональным чутьем уловив, что Эарен смягчился. — Максимум читательского интереса прогнозируется на двадцать три по Гринвичу. Если успеешь раньше...

Тихая благость снизошла на Эарена. Он закинул руки за голову, потянулся и закрыл глаза.

— Что? — всполошился литагент. — В чем дело, Эр?

— Не раньше чем послезавтра, — с ленцой выговорил Эарен, наблюдая из–под ресниц за лицом Дэ–восемь.

Лицо ему понравилось. Хорошее лицо. Рассвет на Марсе с такого писать: постепенная смена красок в гамме от бледно–кирпичной до ало–багровой...

— Д–договорились, — мучительно улыбаясь, просипел Дэ–восемь и исчез.

Эарен вскочил на ноги.

— Текстант?

— Твой верный Протекстор приветствует тебя, хозяин, — откликнулся ИИИ уставным баском. — Я уже переработал все материалы по исторической и автобиографической литературе. В какой форме представить отчет? Дайджест, резюме, шаблон?

— Будем творить с чистого листа, — сказал Эарен, усаживаясь в кресло. — Как я там поутру выразился? Отсебятина? Будем отсебятничать, Протекстор!

Он долго смотрел на белый экран. Секунд сорок, наверное. Затем откашлялся.

— Режим голосового ввода, — распорядился Эарен. — "Я, писатель..." Ты что пишешь?!

В строке появились слова "Я, текстальщик". Буква "А" под взглядом Эарена замерцала и сменилась буквой "И". Получилось "текстильщик". Но "И" тоже оказалась нестойкой, и на ее месте возникла "У".

— Какой такой "текстульщик"? — возмутился Эарен. — "Писатель", говорю!

— В режиме голосового ввода, — извиняющимся тоном пробасил ИИИ, — в текст вводятся не слова–константы, а переменные–гиперссылки на события Сети. Понимаешь, хозяин? В данный момент твоя профессия называется "текстульщик"...

Буква "У" снова превратилась в "А".

— То есть "текстальщик", — поправился Протекстор. — Неустойчивая морфема, однако.

— Может, еще текстюльщиком обзовете? — проворчал Эарен. — Текстюлей! Ладно, пусть будет. Пиши: "Я, писатель–фантаст..."

На экране возникли слова: "Я, текстильщик–синтезёр". Эарен окинул их недобрым взглядом, как полководец — солдат, явивших склонность к дезертирству.

— Отключи гиперссылки, — велел он. — Литературе, и особенно фантастике, чужда сиюминутность. Она обращена к вечности, друг мой Протекстор. А теперь поехали с самого начала: "Я, синтезёр"...

Анна ЛИ

ДРАКУЛА, ТЫ ПРАВ!

Биологи выяснили, что вампиры были не дураки. Исследования в университете Стэнфорда показали, что старый термин "молодая кровь" мог вполне иметь некое медицинское обоснование. Ученые соединили кровеносную систему старой мыши с потоком крови молодой особи и обнаружили, что это привело к ускорению восстановления мышечной ткани у старшего грызуна. Напротив, когда старая кровь была накачана в тело молодой мыши, время восстановления мускулов у той заметно увеличилось. То же самое происходило и с печенью мышей.

КУРИЦЫ — ПТИЦЫ УМНЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ

Ученые составили рейтинг интеллекта всех обитающих на Земле птиц. Выяснилось, что эталон птичьей глупости — вовсе не курица, а перепелка. За ней следует страус. А самый высокий коэффициент умственного развития — у ворон, грачей и соек.

Оценивая птичий интеллект, орнитологи проанализировали все случаи необычного поведения пернатых за 70 лет. Например, несколько лет назад японские ученые сообщили: вороны дожидаются красного сигнала светофора, чтобы потом без спешки собрать орехи, рассыпанные на проезжей части.

Кроме того, курицы могут принести неоценимую пользу производителям компьютеров и фермерам. Профессор химической технологии Ричард Вул из университета Делавера предлагает перерабатывать перья цыплят... в компьютерные платы.

Это не такая уж безумная идея, как кажется на первый раз. Речь идет о замене материала для основы компьютерных плат, на которых потом устанавливают микросхемы, радиодетали и наносят соединительные проводящие дорожки. Сейчас эти платы делают из материалов, полученных из нефти (стекловолокно, эпоксидная смола и так далее), что наносит вред природе: во–первых, используется невозобновимое сырье, во–вторых, окружающая среда замусоривается "компьютерными" отходами.

Вул считает, что платы можно создавать на основе "птичьего" кератина и веществ, получаемых из сои. Благодаря хорошему аппетиту жителей США каждый год фермеры "производят" 1,5–2 миллиона тонн перьев, которые в основном утилизируются как низкосортный корм для рогатого скота. Если проект Вула будет взят на вооружение, фермеры смогут зарабатывать деньги на продаже "куриных" отходов производителям электроники, а те выпускала бы безвредные платы для компьютеров, сообщает "Membrana".

Путешествие через Пустые Норы

Влад Силин "Королей убивают неудачники"

Первая книга рижанина Влада Силина (читатели "Просто фантастики" помнят его рассказы "Фея жасмина", "Забудьте Герострата!", "Больше, чем сможешь унести") вышла в серии "Фэнтези Ника Перумова". Однако созданные писателем миры не имеют никакого отношения ни к Толкину, ни к разнообразным "Черепам".

Роман и рассказы, вошедшие в книгу, повествуют о том, как люди, вступив в контакт — вернее, в конфликт, — с цивилизацией "разумных тушканчиков" лодошей (неоднократно печатавшийся в разных изданиях рассказ "Вилтигай Велд") вместо обещанного разрушения всей Земли получили неожиданный и не вполне понятный дар. По совершенно загадочным причинам сделан он полуанекдотическому Ордену святого Мануэля, членам которого всего–то и приписывалось, что защищать справедливость, пить вино, взахлеб читать фантастику и считать все десятками. И к добру этот дар или к худу — сказать сложно...

Некоторые земляне получали возможность пробить так называемую Пустую Нору в новый мир. Непонятно, существуют ли новооткрытые (новоотрытые?) миры на самом деле или становятся материализацией фантазий своих первооткрывателей. Во всяком случае, живут они по своим собственным законам. Законы эти зачастую отличаются от привычных нам. И когда очередной мир за Пустой Норой начинает угрожать живущим в нем землянам, туда отправляется детектив Ордена, теир Денис Завацкий.

Почему тшины нападают на живущих в их землях людей? За что спустя несколько лет в том же мире хотят сжечь бестолковую 17–летнюю девчонку, облыжно обвиненную в ведьмовстве? Что за экзомат появился за тринадцатой Пустой Норой, чем грозит его распространение человечеству и куда девался первоисследователь этого мира? Что скрывается за исчезновениями посольских работников в мире Соль?

На все эти вопросы вы найдете ответ в книге "Королей убивают неудачники". Но не торопитесь кричать: "Я понял, понял!" — не дочитав до конца. На самом деле все совершенно иначе...

Марина ЛЕС

Алиса в Задверье

Нил Гейман "Коралина"

Лауреат многочисленных фантастических и нефантастических наград Нил Гейман в 2002 году опубликовал сказку "Коралина", которая с тех пор тоже успела принести своему создателю немалое количество призов. Эту повесть называют "Алисой в Стране Чудес", написанной Стивеном Кингом.

В старом–престаром доме (с мансардой и подвалом) жила–была девочка. Звали ее Коралина (а не Каролина, как слышится некоторым). В квартире, где девочка жила с папой и мамой, был бак с горячей водой, сто пятьдесят три голубых предмета, двадцать одно окно... И четырнадцать дверей. Тринадцать дверей — самые обыкновенные. А четырнадцатая, ключ от которой висел в углу на кухне, — заложенная кирпичом. И жизнь в семье Коралины текла так же, как в тысячах других семей, пока за четырнадцатой дверью не открылся коридор...

Сказка эта не из тех, которые читают детям на ночь родители. Скорее, она похожа на страшилки, которые дети рассказывают друг другу шепотом в летних лагерях. Ужас прорастает в обыденную жизнь постепенно, как бледные ростки картофеля сквозь рваную мешковину. Но когда он наконец воцаряется, справиться с ним очень нелегко. На это способна только очень смелая и сообразительная девочка. Такая, как Коралина.

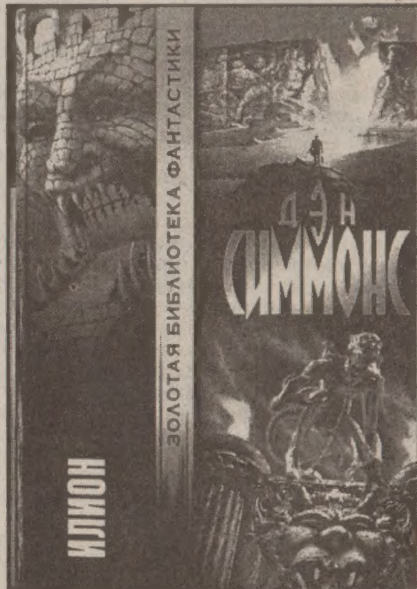
Марина ЛЕС

Марсианские хроники по мотивам Гомера

Дэн Симмонс "Илион"

Уж казалось, столько написано о Троянской войне, что снова трогать эту тему — занятие безнадежное. Наверное, нет в истории другого эпоса (не считая, конечно, Библии), по мотивам которого писалось бы и снималось столько разнообразных произведений. Однако Дэну Симмонсу, видимо, не давал покоя опыт, накопленный во времена преподавательской деятельности в школе для особо одаренных детей, поэтому он снова вернулся к классике и...

И забросил известную всем с детства "древнюю гречесть" на Марс. И Трою со всеми ее защитниками и осаждающими город врагами; и Олимп с сонмом более или менее величественных богов; и давно умерших, но оживленных богами знатоков гомеровской поэмы — схолиастов. Да еще и МЗЧ — маленьких зеленых человечков — в придачу!

И это еще не все! С далекого Юпитера и его окрестностей на Марс летит экспедиция моравеков — автономных биомеханических организмов, обладающих разумом, некогда разосланных людьми по всей Солнечной системе. И присущ моравекам не только разум, но и индивидуальные литературные вкусы: малыш Манмут обожает Шекспира, а огромный Орфу — Пруста.

А что же Земля? Она не то чтобы "безвидна и пуста", но количество людей после Финального Факса на ней значительно поуменьшилось. Нововявленные элои живут ровно по сто лет, не боясь ни болезней, ни травм (в том числе и несовместимых с жизнью), не умея ни читать, ни готовить и добывать пищу, не представляя, как можно хотя бы километр пройти пешком... Они верят, что после Пятой Двадцатки попадут на Кольца к постлюдям, и не подозревают, что ждет их в действительности.

Все это кажется вам несколько э–э... хаотичным? Эклектичным? Похожим на э–э... винегрет? Честно говоря, мне тоже. Схолиаст Хокенберри, пытающийся с помощью моравеков и древних героев изменить ход истории; странствования Вечной Жидовки Сейви в компании двух мужчин разной степени молодости; живущие на Кольцах мерзкий кровожадный Калибан и двуличный Просперо; Одиссей, заброшенный на Землю и обучающий ее зажравшихся жителей обходиться без помощи привычных механизмов; Патрокл, ищущий друга на просторах Индианы в 1200 году до н.э....

Однако американским читателям этот "винегрет" пришелся по вкусу. Во всяком случае, премию журнала "Локус" "Илион" уже получил.

Роман КАРАКОЗ

Вторая стрела

Сруб сделали наскоро, но добротно; бревна, плотно подогнанные друг к другу, пахли свежей смолой. Хорошо будет гореть, ярко. Внутри было темно, хоть глаз выколи — щели между бревнами плотно забили соломой и паклей. Сквозь вонь пота прошибало одуряющим запахом свежего сена. Да, хорошо будет гореть.

— Я об одном жалею... — начала Санна, но голос Анкеля, такой же ровный и бесстрастный, как всегда, прервал ее:

— Не смей.

Санна обиженно умолкла. Анкель никогда не был приятным собеседником, да и не в ее привычках плакаться, но теперь-то, за считанные мгновенья до смерти, неужто нельзя быть поласковее? Ему бы порадоваться, что она не бьется в истерике. А могла бы. Очень хотелось.

Санна потянулась, нашаривая в темноте его руку. Они сидели на все еще влажной земле, там же, где очнулись, только теперь опирались спинами о стену сруба, который возвели прямо вокруг их беспамятных тел. Когда язычник в красных латах ударил ее, начало моросить... он ударил еще три или четыре раза, прежде чем Санна потеряла сознание, и она успела почувствовать на лице холодные мелкие капли.

Похоже, язычники замуровывали их под проливным дождем, потому что земля оставалась набухшей и сырой. Пальцы Анкеля тоже были опухшими и холодными: он скрежетнул зубами, когда Санна нащупала их во мраке. Похоже, ему сломали руку. Санна виновато отдернула пальцы.

— Сильно болит?

— Нет, — сказал он.

Санна жалела, что не может видеть его лица. Жалела, что не может сказать ему последних слов утешения, что не имеет права просить этих слов для себя. Жалела, что...

— Боишься? — спросил Анкель, кажется, улыбаясь.

Лживая улыбка... Санна не верила, что сам он не боится смерти. Не смерти вообще — такой, какую им уготовили язычники. В этом не было ничего постыдного, и она сказала бы ему об этом, если бы он пожелал ее слушать.

— Боюсь, — помолчав, подтвердила она. Анкель заворочался, и она почувствовала, как звенья его кольчуги трутся о ее собственную броню.

— Я убила своего ребенка.

Он ничего не ответил и не смеялся больше. Санна провела языком по пересохшим губам. Было трудно дышать. Каморка совсем тесная. Если посчастливится, они задохнутся от дыма прежде, чем сгорят.

— Мне двадцать было. Только в гвардию вступила. Первый бой, потом пир... Так вышло... Я травы пила всякие. Но ничего, только кровью блевала. Мальчик родился. Зимой... мы в походе были. Шли по льду, по Светозорному озеру. Там и родила, в снегу... А он... он маленький такой был, весь красный, сморщенный, и кричал тоненько. Я его до того думала в прорубь кинуть, но он так кричал. Если б не кричал, кинула бы. А тут... защемило что-то. Вдруг...

Она умолкла, задохнувшись. Анкель снова заворочался, скрежетнул зубами. Санна глубоко вдохнула запах смолы и свежего сена. От земли тянуло холодом.

— И я б оставила. Оставила б... пусть его... Только он шестипалый был. Это я уже потом заметила, когда обтерла его и в попону завернула. Грудь дала... а он, глядь, — потянулся ручонкой. А на ней шесть пальчиков. Такие все маленькие... Ну, я его в сугроб. Там сугробы были по пояс, и я его под елью положила. Он все кричал так тоненько, когда я его от груди-то отняла. Я думала, надо подождать, пока он кричать перестанет, и тогда уйти только, но не смогла. Ручонка эта его шестипалая... так и тянулась ко мне, будто просила чего... Я ж не могла демоненка грудью кормить, понимаешь? Ну, тогда думала, что не могу...

— Никогда ни о чем не жалей, — сказал Анкель, и Санна вздрогнула. Снова потянулась было к его поломанной руке, потом замерла.

— У него шесть пальцев было, Анкель, — жалобно сказала она. — Шесть! Я испугалась... я ж ничего не боялась тогда, а тут — шесть пальчиков... Как подумала, что оно во мне девять лун сидело... Так и... Ему бы сейчас семнадцать было.

Она замолчала, и Анкель тоже молчал, и она не знала, хорошо это или плохо, хочет ли она, чтобы он говорил.

— Вот это... только это, — словно извиняясь, наконец сказала она. Было еще много чего, много такого, о чем она не думала, не хотела помнить — но жалела только об этом. — Я ему даже имени дать не успела.

— Санна...

— А если бы дала... думала потом... надо было его Роддором назвать. Ехала по лесу, и кровь из меня текла, а я думала: сказала б ему, что зовут его Роддор, и, может...

— Санна, — голос Анкеля звучил по-прежнему хрипло, но уже не ровно — рвано. Санна подняла руку, коснулась его лица дрогнувшими пальцами, почувствовала мокрое, застыла, будто окаменев.

— Анкель... — одними губами, почти не вслух даже. — Ты... может, ты тоже хочешь что-то мне...

— Никогда ни о чем не жалей, — сказал он, и в его голосе было стекло — много-много битого стекла, острого, черного. — Ни о чем. Никогда. Это ведь... просто.

Никогда, вдруг очень спокойно подумала она. Никогда ни о чем не жалеть. Это просто.

Сколько там осталось того "никогда".

* * *

— Стреляй, мальчик, — сказал Брислин. — Стреляй.

Алый огонек плясал на обернутом паклей кончике стрелы, бросая тени на такие же алые доспехи жреца. Небо полыхало низким закатом, плевалось редкими первыми звездами. Молодая Королевна, восходящая обычно в это время года только к полуночи, уже мигала над самой головой. Брислин решил, что это хороший знак. Молодая Королевна дает мужество юным. А мальчику, кажется, не помешает еще немного мужества.

— Стреляй.

Затянутая в перчатку рука дрогнула, дрожь передалась тетиве. Алый сполох метнулся к темному багрянцу неба, ушел вверх, к Молодой Королевне, и погас. Брислин вынудил себя улыбнуться.

— Ничего страшного. Еще раз.

— Я не могу, — сказал Роддор и сжал пальцы в кулак.

Брислин вздохнул. Он и не ожидал, что это будет легко. Сам он в семнадцать лет сек южан без малейших колебаний, но сжечь — это не то же, что зарубить. А у мальчика к тому же мягкое сердце. Порой Брислин жалел, что тот отмечен богами и обречен со временем надеть алое. Точнее, жалел бы, если бы имел право хоть о чем-то жалеть.

Младшие братья стояли чуть поодаль, наблюдая, как старый и молодой жрецы вершат правосудие. Нельзя было отступить, посрамив своих и без того поруганнх южанами богов, даже если бы это было правильным решением. А оно им не было.

— Они сожгли наших богов, — сказал Брислин в десятый раз. — Теперь мы сожжем их.

— Надо богов их жечь, а не их самих, — в десятый раз ответил Роддор и, опустив лук, отер испарину, выступившую на лбу. Брислин заметил, что все его шесть пальцев, затянутых в черную замшу, дрожат.

— Мы не варвары, — спокойно сказал он. — Мы не станем насмехаться над чужой верой. Но не можем позволить насмехаться над нашей.

— Эта женщина... — Голос мальчика едва не сорвался, и Брислин опустил голову, пряча гнев. Боги, дайте мне сил. Рука этого ребенка отмечена вами, и она

(Продолжение на стр. 16)

МИСТИФИКАТОРЫ-САМОУЧКИ

В декабре прошлого года многие СМИ со ссылкой на одну из самых популярных ежедневных газет Бухареста "Libertatea" разместили информацию о супружеской паре, назвавшей своего сына Yahoo. Дескать, родители познакомились благодаря Интернету и решили увековечить этот факт, дав ребенку такое необычное имя.

В конце января редакция этой румынской газеты объявила, что эта история является плодом фантазии репортера издания Иона Гарнода. Эту новость газета сопроводила иллюстрацией-доказательством.

"Это было изображение свидетельства о рождении ребенка, которое репортер соответствующим образом подправил, — объяснила главный редактор "Libertatea" Симона Ионеску. — Мы уволили этого человека".

* * *

17-летний школьник Саураб Сингх из Уттар-Прадеша ввел в заблуждение ведущие индийские СМИ и, соответственно, общественность всей страны, заявив, что получил наивысшую оценку, сдав "Международный экзамен научного открытия НАСА" и опередив 200 тысяч других соискателей.

Индийские газеты написали, что этот же экзамен в 1960-е сдавал индийский президент Абдул Калам, но стал лишь седьмым, в то время как погибшая в результате катастрофы шаттла "Columbia" астронавт Калпана Чола в 1988 году заняла лишь 2-е место.

Саураба тут же сделали национальным героем. Родная школа выдала ему специальную стипендию в размере 40 тысяч рупий (около тысячи долларов), а местное законодательное собрание объявило, что каждый его член пожертвует мальчику суточную зарплату. С каждым днем в прессе появлялись все новые детали о сдаче международного экзамена с пояснением, что "Саураб и его гордые родители теперь ждут звонка из НАСА".

Неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы журналисты не обратили внимания на то, что о триумфе Сингха сообщают только индийские СМИ. Кто-то решил узнать подробности, сам позвонил в НАСА и узнал, что такого теста в Агентстве нет и никогда не было. "Мы не проводим никаких экзаменов в пределах США, не говоря уже о международном уровне, — заявил Калим Коваджа, инженер с 20-летним опытом работы в НАСА. — Это не университет, это отдел правительства. Очевидно, у него нет никакой необходимости в подобных испытаниях школьников. Вероятно, кто-то в Индии сформировал группу, сокращенное название которой — NASA, и эти люди неправильно используют нашу аббревиатуру. Так что речь идет не о том НАСА, которое все мы знаем".

Вторая стрела

(Окончание. Начало на стр. 15)

дрожит, когда я пытаюсь направить ее на исполнение вашей воли. Дайте сил мне, чтобы я мог вложить их в эту руку.

— Женщина ли, мужчина ли, разницы нет, — сказал Брислин, глядя на сруб. — Если бы ты попал к ним, они тоже сожгли бы тебя. Но сначала отрубили бы тебе руку.

Шесть пальцев дернулись и безвольно повисли.

— Они принесли смерть на нашу землю и позор нашим святыням, — спокойно произнес Брислин. — Довольно и того, что мы помиловали исполнявших приказы. Те, кто приказы отдавал, должны быть наказаны.

— Эта женщина могла бы быть моей матерью, — сказал Роддор. Его шесть пальцев сжимались в черный кулак, и, глядя на этот кулак, Брислин думал о том, кем может стать мальчик, если боги дадут твердости его руке и сердцу. Главное — сердцу.

— Да. Могла бы. Как и половина женщин южных варваров. Как и половина женщин твоего народа. Но не все они могли бы приказать сжечь чужих богов.

— Ты приказываешь мне сжечь ее. — Пальцы сжимаются и разжимаются, сжимаются и разжимаются — это его молитва, так он взывает к богам, которые отметили его руку, только просит ли он того, что должен просить...: — Следует ли мне после сжечь и тебя?

Брислин улыбнулся.

— Они не боги своей земли.

— Чем мертвые боги отличаются от мертвых людей?

— О людях не станут жалеть.

Роддор посмотрел на него. Глаза у мальчика под стать руке: черные, странные, отмеченные богами. Такие глаза, впрочем, у всех рожденных зимой.

— Не станут? — переспросил он. — Или нельзя?

Прежде чем Брислин успел ответить, Роддор не глядя протянул левую руку в сторону. Стоящий наготове Младший брат вложил в нее горящую стрелу. Древко легло на тетиву. Шесть черных пальцев натянули ее, сжались. И разжались.

Алый сполох ушел в закат, слился с пламенем в центре неба. На миг Брислину почудилось, будто темная громадина сруба съежилась, сжалась, словно желая спрятаться от похотливого язычка пламени, и через миг вспыхнула, будто вскрикнула, легко и яростно, окутываясь красно-желтым пламенем.

— Не нельзя, — сказал Брислин, глядя на черную корону дыма, взвившуюся вокруг истекающего смолой дерева. — Не надо.

Роддор вздрогнул, опустил лук. Его глаза в отблесках пламени казались еще чернее руки, которая сжималась и разжималась: снова и снова, всегда.

— Никогда ни о чем не жалеть, — сказал Роддор, и Брислин подумал: "Боги, благодарю вас за вашу милость".

— Да, — спокойно подтвердил он.

По губам мальчика скользнула улыбка, а пальцы сжались и не разжались. Он устал, подумал Брислин. Он крепится, но он устал. Ничего. Он выполнил свой долг. Когда они вернутся в город, ему полегчает. Там ждут его боги, честь которых он восстановил, его наставники, несущие свет, его невеста, прекрасная дева Талита. И его мать. Да, главное — мать. Она сможет утешить его и научить ни о чем не жалеть.

Брислину не хотелось говорить то, что он должен был сказать, однако выбора не оставалось.

— В следующий раз, брат мой Роддор, это должна быть первая стрела.

В глазах Роддора Богоизбранного блестела влага, но голос был тверд и черен, как шестипалый кулак.

— Если никогда ни о чем не жалеть, брат мой Брислин, то почему же первая?

Пламя расцветило ночь красным и оранжевым, а крученый столб дыма тянулся к Младшей Королеве, как дитя к материнской груди.

— Пойдем, брат мой Роддор, — сказал Брислин, а про себя подумал: "Потому что их еще будет много".

Юлия ОСТАПЕНКО

"НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА" — ЭТО:

A — "Магия, мистика"
Aa — "Магия для семьи"
A+ — "Оракул"
B — "Экзоэротика"
Вв — "Моя экзоистория"
D — "Невероятное"
Dd — "Мир непознанного"
D+ — "Антимиры"
E — "Исцеление"
Ee — "Помоги себе сам"
F — "Для женщин"
Ff — "Хозяюшка"
G — "Загадки цивилизации"
K — "Криминоген"
Kк — "Криминальное чтиво"
L — "Лабиринты любви"
Ll — "Личная жизнь"
R — "Для мужчин"
S — "Special"
X — "Икс-блок"
J — "Тайны истории"
Z — "Просто фантастика"

НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА Z ПРОСТО ФАНТАСТИКА

"Новая интересная газета. Z. Просто фантастика"
Реестраційний номер
КВ №9521
від 17 січня 2005 р.
№ 3, 2005 р.

Засновник
Ольга КАЦАЙ

РЕДАКЦІЙНО-ВИДАВНИЧА РАДА:
Надія ЮРЧЕНКО, головний редактор
Ольга ОПАНАСЕНКО, заступник головного редактора
Степан ІВАНУС, відповідальний секретар
Олександр ШЛАПАЧЕНКО, заступник директора по збуту

Видавець: ТОВ "Атол Прес"

Адреса редакції та видавця:
03047, Київ-47,
просп.Перемоги, 50, "Новая интересная газета, "Z"
E-mail: nova-ig@nova-ig.com.ua

Тел.: (044) 454-82-59
Тел/факс (044) 454-83-66
e-mail: olga@lyo.kiev.ua

Комп'ютерний дизайн, верстка і фотоформи - **Степан ІВАНУС**

Коректор
Наргіс БАГДАСАР'ЯН

Друкується мовою оригіналу
За зміст та достовірність інформації відповідальність несе автор (рекламодавець)
Листування з читачами — тільки на шпальтах газети
Рукописи не рецензуються і не повертаються
При передруку посилання на "НИГ" обов'язкове
Ілюстрації не завжди є прямою відповідністю тексту

Віддруковано на комбінаті друку видавництва "Преса України".
03047, Київ-47,
пр.Перемоги, 50
Загальний наклад 451630
Зам.№3086048
від 03.03.2005 р.

За матеріалами і повідомленнями кореспондентів "НИГ", вітчизняної та зарубіжної преси, мережі Інтернет

Наступний номер вийде у світ 05.04.2005 р.

1234567890